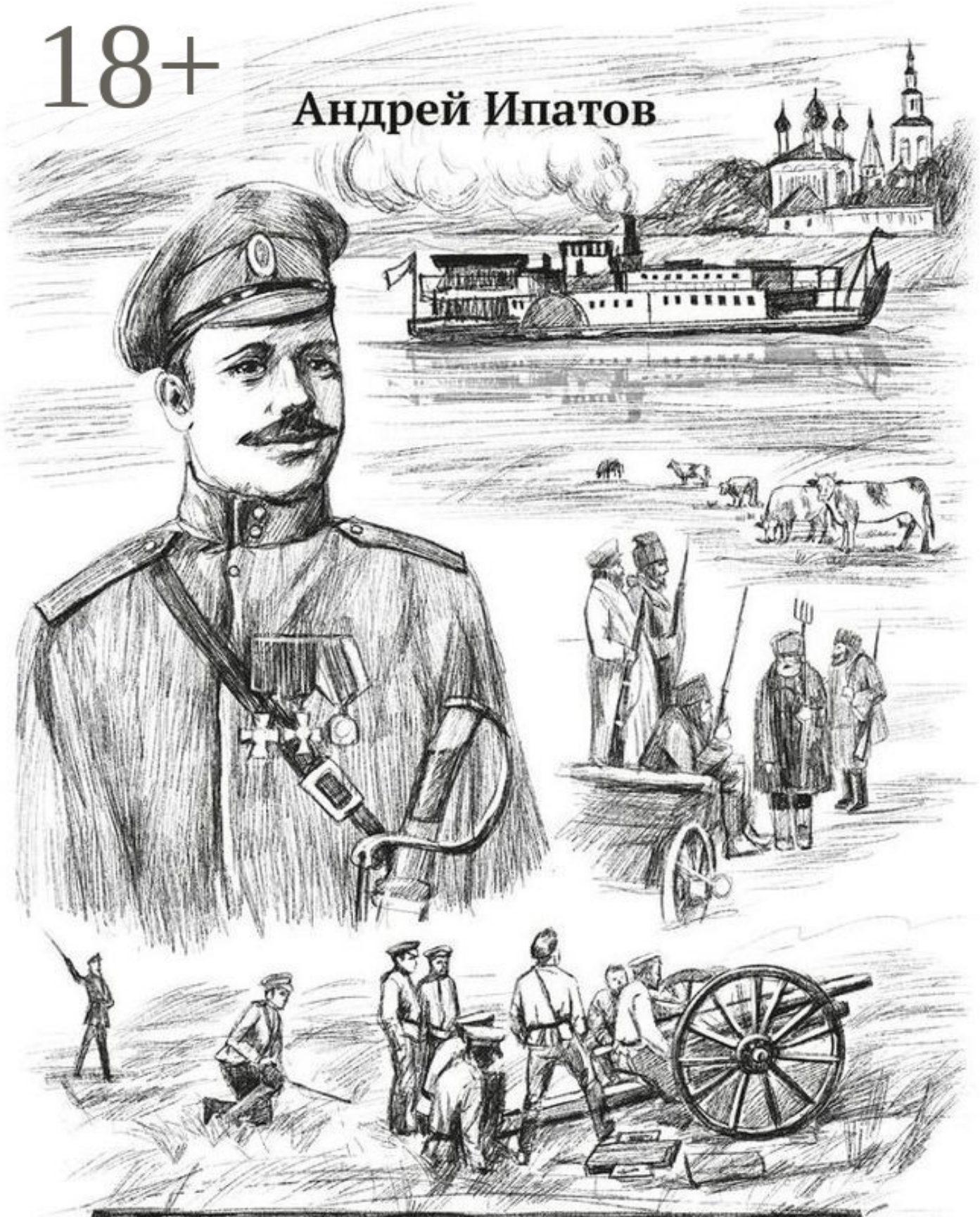
18+

Андрей Ипатов



В ГОДИНУ СМУТ И ПЕРЕМЕН

Часть 2. ЗАЗЕРКАЛЬЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей Ипатов

В годину смут и перемен. Часть 2. Зазеркалье русской революции

«Издательские решения»

Ипатов А. И.

В годину смут и перемен. Часть 2. Зазеркалье русской революции / А. И. Ипатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641319-1

Продолжение исторических новелл о жизни глубинки Вологодского края в период с 1905 по 1939 гг. Главные герои, потомки тех, кто был описан в первой части трилогии — становятся свидетелями до и после революционных событий в России, участниками Первой мировой и Гражданской войн, строителями народного хозяйства. Автор описывает как эти эпохальные исторические вехи воспринимались в крестьянской среде, а герои повествований при всей сложности и трагизме их жизни смогли стать заметными членами общества.

ISBN 978-5-00-641319-1

© Ипатов А. И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Феномен провинциальной ментальности 7
В Пертовке, осень 1905 года 7
Русский Оксфорд 17
Манифест 17 октября 1905 года – в итоге: спустили или поддали пару? 25
Глава 2. «Тихой» год, а за ним опять «тихой…» 32
Кому работа, кому ссылка. В Тотьме (1905—1909 гг.) 32
В поездках 35
Подстава 39
Рукопись Степана, 1907—1909 гг. 41
Тем временем о событиях в Череповце 46
Обучение молочному делу в Фоминском 51
Глава 3. Предвоенное тревожное умиротворение 57
Ломовская паутина (1912 г.) 57
Пожар в Погореле (1912—1913 гг.) 66
Конец ознакомительного фрагмента. 69

В годину смут и перемен
Часть 2. Зазеркалье русской революции

Андрей Иванович Ипатов

Посвящается Ивану Васильевичу, Осипу (Иосифу) Степановичу, их верным подругам Наталье Ивановне и Александре Васильевне, а также всему поколению вологжан, переживших распад царской империи, лихолетье Первой мировой и Гражданской войн, годы голода и репрессий

Кабы Бог не дал лета, не было бы и комаров…
Григорий Распутин («Мои мысли и размышления»)

© Андрей Иванович Ипатов, 2024

ISBN 978-5-0064-1319-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0060-0537-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В первой части своих «Годин…» автор пытался найти ответ на вопрос, каким же образом на Русском Севере из разрозненных финно-угорских и достаточно отсталых по тем временам племен смог образоваться единый русский народ. Ведь классической формы колонизации аборигенов, как, например, в Америке, здесь не было. Весь процесс единения, начавшийся еще с X—XI веков, был эволюционным, крайне медленным даже по историческим меркам. Но случилось в государстве Смутное время на рубеже XVI—XVII веков с его неординарными коллизиями и развалом династической власти, и вдруг в бешеном темпе заработали ускоряющие процесс единения «катализаторы». Это и стало теми жерновами, которые перемололи разные по своей сути племенные и общинные зерна в общую однородную муку.

В настоящей второй части трилогии у автора опять была задача объяснить сложный путь трансформации русского человека в человека советского, происходивший в первой половине XX века. И этот путь был бы невообразим без работы своих «катализаторов», коими, безусловно, стали революции 1917 года, империалистическая и гражданские войны, красный и белый террор. Получается, что, чтобы сделать качественный шаг на новый уровень бытия и морали в общественном сознании, для нашей страны требуется сначала миновать крайне болезненные для людей «годины смут и перемен»…

Следует ли нам ждать теперь трансформации уже советского человека во что-то более совершенное и лицеприятное? Вот в чем вопрос! Будет ли у автора завтра тема для написания третьей части трилогии? Видимо, пока говорить об этом рано. Иногда кажется, что вот оно, уже началось, а потом все возвращается на круги своя… Природные законы цикличности нивелируют хаотические всплески, порождаемые действием законов революционных переходов…

Ну и слава богу… Любой плод должен в этом мире вызреть своим естественным эволюционным путем. Тогда, возможно, обществу удастся обойтись без «годин смуты…», потому что они всегда были и остаются олицетворением недопустимых крайностей, проявлений нечеловеческой злобы, лицемерия и коварства. Правда, именно в такие критические годины по экзистенциональным законам и раскрывается настоящая сущность как отдельного человека, так и всего народа.

Собственно, примерам такого раскрытия сущности и посвящены эти книги.

Глава 1. Феномен провинциальной ментальности

В Пертовке, осень 1905 года

Моросил слабый дождик, покрывая осеннюю хлябь на лужах пугливой рябью. Серое матовое небо нависало над уже покрывшимися золотом деревьями, среди которых выделялись бледно-красные, зеленые и серебристые пятна ржавеющей листвы. В некоторых местах деревья уже полностью оголились и протянули вверх, словно в молитве, свои ветвистые черные руки. Был самый пик осени – переломный день в смене состояния природы.

На некоторых участках повозка случайных путников вынуждена была рассекать глубокие промоины в расписанной по грязи колесами других телег дороге. Тогда темные линии веток, прогнувшихся над дорогой, отображались дрожащей тенью на бурой воде, густо покрытой опавшими желто-грязными листьями и хвоей.

Состояние дороги было хорошим для этого времени года и для достаточно низменной береговой местности Уломской волости. Мешающих движению упавших деревьев на пути практически не было – местные крестьяне обязаны были следить за этим и своевременно убирать. Дорога по правому, густо поросшему лесом берегу Шексны после паромной переправы в Любецах имела важное значение, так как соединяла несколько волостей и уездов Новгородской губернии (в будущем отошедших сначала к Ленинградской, а потом и к Вологодской области, со временем затопленных Рыбинским водохранилищем).

– Тятя, а далеко нам еще? Мы в самом деле с тобой в гости в настоящую барскую усадьбу едем, такую же красивую, как в Любецах видели? – спросил тринадцатилетний подросток возницу.

– А то! Я же тебе говорил, Ванюха: учитель мой Николай Васильевич после трудов великих вернулся на побывку в свое имение, и письмецо мне от него пришло, приглашает повидаться. Видимо, батюшка наш не силен стал здоровьем, а потому желает с земляком своим да учеником верным еще разок повидаться, побеседовать про нашу крестьянскую бытность. Дай бог ему здоровья и всяких благ! А вот тот большой зеленый дом с белыми колоннами да с мезонином, что, проезжая, мы с тобой в Любецах рядом с храмом Казанской Божией Матери видели, – это владение семьи его родного братца, уже год как покойного, Василия Васильевича. Величайший был живописец, ну да мы о нем с тобой ранее уже говорили не раз. А сам дом этот, сказывали, в разное время, путешествуя по нашему краю, два российских императора посещали. Два Александра! Первый, Александр Павлович, что Наполеона французского побил, и второй, Александр Николаевич, что волю нашему крестьянскому сословию объявил и от рабства нас навеки освободил. Правда, в нашей Череповеси помещиков-то не сильно много было, и наши с тобой земляки и предки все больше казенными людишками считались, бывшими монастырскими или, как они еще раньше назывались, «черными». А вот, например, господа Бестужевы в Луковецах, что выше по Шексне, да здешние господа – родители Василия Васильевича и Николая Васильевича – холопов крепостных имели. То истинная правда.

– Это он, Николай Васильевич, тебя молочному делу выучил-то?

– Ну а кто ж еще? В Рассее нашей он есть самый первый наш маслодел и сыродел. Акромя Николая Васильевича Верещагина только швейцарцы разные это дело хорошо знают да умеют. Но теперь еще и мы, ученики нашего мастера по едимоновской коммуне. Это школа наша так звалась, что в селе Едимоново Корнечевского уезда Тверской губернии устроена была. Я-то тогда немного тебя старше был. Судьба меня сподобила в ту школу к нему в обучение попасть. «Грамоту знаешь, грязной работы не чураешься, учиться хочешь?» – спросил он меня. «А то!» – «Ну, тогда впрягайся в наше хозяйство!» Учил нас больше не в классе, а на скотном

дворе. Вся та наука по́том давалась да мозолями. И навоз чистили, и коров доили, сами масло с сыром изготавливали, да и на станцию их для отправки возили – не отказывались ни от какой работы. Кого там у Николая Васильевича в братстве только не было в обучении, разный люд и возраста разного. И дворянского, и мещанского, и особо много крестьянского звания было. Да, и племени тоже разного ученики случались. Бывало, за артельным столом во время обеда сиживали и татарин, и латыш, и еврей, и армянин. Бурят даже один был. Ну и ясно дело, что больше всего нас, русичей: тверских, ярославских, вологодских, архангельских. В основном с Северного края, потому как землица у нас плохо ро́дит, а раз так, то молочное дело – единственный выход для наших губерний, чтобы людям могло сытно житься. Николай Васильевич это глубоко понял, что надо молочное дело справно налаживать. Да молоко – оно же зараз киснет, вот учитель наш и сообразил, что его надо в благородные продукты переводить – в сыр да в масло сливочное. А их уже потом, конечно, с нужными мерами хранения – хоть в город, хоть в столицу, хоть в Париж какой можно продавать везти. Оттого и поднял молочное производство на высокий уровень – в угоду отчизне, ну и по царской милости благословенной. А так получилось, что в коммуне той едимоновской из череповецких его земляков – только я, Василий Ропаков Иванов сын, один и оказался тогда. На том сдружились мы сильно. Он – дворянин знатный, помещик, возраста уже лет за сорок, государем за доблесть в устройстве молочной промышленности орденом Святой Анны отмеченный. А я – простой крестьянский сын осемнадцати годков от роду, три класса церковно-приходского обучения, да еще немного в сапожном ремесле дока. И почему он только меня, обычного парня, так близко приметил да приблизил? Ну да, правда, супруга у Николая Васильевича Татьяна Ивановна была из бывших крепостных дев. Видишь, не чурался он простого народа… Бывало, в час досуга, перед вечерней дойкой, ученики с ученицами сядут на широкое крыльцо да песни дружно возьми и запой. Так вот барин наш с супругой тогда подойдут к нам, усядутся подле и тоже подпевают хором. А ты думал?! Сейчас небось меня корить будет, что не добился я в молочном деле больших успехов, не оправдал его надежд. А то и правда. Так вот я тут тебя ему представлю – скажу: смышлен не по годам сынок мой, он моим продолжателем в этом деле и в хозяйстве молочном станет, благословите, батюшка!

– А в Череповце он где жил, учитель твой? А, тятя? На какой из улиц?

– Да давно их семья в Пертовку насовсем перебралась, это куда мы сейчас с тобой путь держим. От города недалече, двадцать верст, только, видишь, на пути-то целых две переправы через реку Шексну образовались – у нас в городе да здесь в Любецах. Зато посмотри, природа-то какая везде райская, благодатная! Боры сосновые! А на переправе-то как излучина реки даже в дождь красна бесподобно была, да еще окаймленная заливными лугами! Ну, а по вопросу твоему, что до городской усадьбы, – то та была у них ранее возле самой Соборной Горки в угловом доме на Благовещенской улице, только поближе немного к реке Ягорбе. Давно уже продана купцу Иванову. У Николая Васильевича, я говорил, брат старшой Василий Васильевич дюже знаменитый! Большим человеком в Петербурге стал, известным на весь мир. Годок минул, как погиб батюшка тот вместе с адмиралом Макаровым в Порт-Артуре на японской войне. Так что запомни: братья Николай и Василий Верещагины наш город Череповец на всю Рассею прославили. За то им поклон земной от нашего народа! Василий – он талантом своим художественным. В основном батальные картины выписывал, да притом сам в тех баталиях участвовал, храбр чрезвычайно был. Ну а наш-то Николай Васильевич – пользой великой в молочной промышленности и в сельском хозяйстве известен. Что важнее, и не скажешь так сразу. Может, и второе. Имел бы учитель мой большие прибыли с тех знаний, да не стал того делать. Ведь он сначала сам в Швейцарии все секреты этого молочного дела открыл и усвоил, работал там в простых подмастерьях, а потому мог в нашей стране единолично сыр их и масло особое производить. Ан нет – он вместо того тем секретам нас, народ российский, бесплатно обучил. Да еще и усадьбу свою несколько раз закладывал, когда денег от правительства не хва-

тало на школу-то да на новое оборудование для молочных кооперативов. Вот какой он человек, Николай Васильевич. Да погоди – скоро сам все увидишь. Вон тебе и деревня Пертовка уже показалась!

Повозка как раз выехала из густого соснового бора на простор давно убранного ржаного поля, а дальше с обеих сторон от дороги показались крестьянские деревенские избы, большинство из которых – добротные срубы с резными наличниками на окнах, да еще и обшитые тесом; в самом же начале деревни слева спряталась неказистая старая часовенка.

– А теперь нам за мосток через узенькую речушку на пригорок, видишь, по леву руку – сама та усадьба Николая Васильевича и есть, еще ниже за ней по склону слева будет заливной луг, а в полверсте протекает и наша красавица Шексна. А если прямо по дороге, вон, глянь, опять сосновый строевой лес. Местные его прозвали «моховик», уж не знаю почему. Там за ним ниже по течению будет большое село Ольхово, центр волости, да потом еще на противоположном берегу пристань добротная стоит, та с дорогой на горку, на Мяксу. Но село Мякса уже Пошехонского уезда Ярославской губернии будет. Я, брат, всю эту реку не раз хаживал, все больше либо сам бурлачил, либо животиной управлял, которая лодку тянула вверх. А потом, когда деньжат немного заработал, то и свой молочный товар на унжаке или мариинке (типы маломерных барж – прим. авт.) вниз сплавлял до Волги, все больше в город Рыбинск. Ох и богатый тот город, на хлебной торговле купцы в нем знатно поднялись, ведь три реки, считай, там сходятся: Волга, Шексна да Молога. Нередко еще ходили мы в Весьегонск по Мологе на ярмарки. Только там сложнее было – свое масло у них с древних времен хорошее делают. Как барин на то сказывал: «Конкуренция…» Да вот я-то в итоге в торговом деле не преуспел. Как видишь, так мы в крестьянах с тобой и осталися… А вот у входа в усадьбу, смотри, три громадные сосны-памятника, так их сам Николай Васильевич зовет. Видишь, какие толстенные стволы и громадные раскидистые кроны. А вот и большой, как спортивная арена, двор усадьбы, теперь-то нам наискось – в конце двора серый дом их родовой, простенький, а ты думал, дворец, что ли, увидишь? Рядом впритык двухэтажная розоватая постройка – это людская с кухней. Тут же поодаль под общей крышей у них конюшня, каретная, мастерские и разные там подсобные помещения. Слева амбар с постройками. Впечатляет хозяйство, немалое? Там, за постройками, еще одно поле с рожью – барское, уже не крестьянское. За полем же опять идут нескончаемые боры сосновые, у них собственные названия есть: Нивушка – это тот лес, где много травянистых полянок, изобилующих белыми грибами, потом идет бор Счастливец – в нем, помимо белых грибов, еще уйма груздей, да и черникой он крайне богат, а еще Горбатка – этот на небольшой горке стоит и выходит на берег Шексны, вот в этом месте в земляничное время ягод! – хоть облопайся! И все крупные такие, с орех! Жаль, сейчас осень унылая, но, может, доведется – побываем мы здесь и летом. Лучшего места в своей жизни не видал, не то что наши болота гадюшные. Хотя грибами с ягодами нас тоже боженька не обделил, только далече за ними ходить приходится. Ну а мы сейчас едем с тобой через двор прямиком к парадному подъезду. Ну, что сказать: господский дом – ничего из себя дом, обычный, деревянный, флигельного типа – ни тебе колонн парадных, ни балконов или прочей барской изысканности. Зато само хозяйство обширное – погляди, чего тут только нет, прямо городской заводище, а не деревенское хозяйство. Кажись, с обратной стороны дома есть у них терраса, та действительно с деревянными колоннами, а с нее уже спуск идет в парк на склоне. Парк небольшой, но красивейший, цветами весь как ковром покрытый и с чудным видом на реку, на ее окрестности! Пока я буду с хозяином чаи гонять – пробегись там ненароком. Я-то уже бывал тут, все видел, не впервой! Не боись, никто тебя здесь не заругает, барин и другие из семьи хозяевой – добрые и радушные люди, потому сюда и местные крестьянские детишки часто играть приходят.

Старший Ропаков все никак не мог остановиться в описании сыну своих впечатлений, хотя пора уже наставала входить внутрь. Только тронули за звонок, а навстречу уже бежала девушка-служанка в белом платье – открывать незапертую дверь.

Историческая справка: *Николай Васильевич Верещагин* родился 13 (25) октября 1839 года в деревне Пертовка под Череповцом. В возрасте десяти лет был определен в Александровский малолетний корпус в Царском селе, а позже переведен в Морской кадетский корпус. Однако интересы флота не занимали его, и после производства в мичманы он подал прошение об отставке. Из офицерского класса Николай перешел в Петербургский университет, где под воздействием лекций ряда профессоров-подвижников увлекся проблематикой земледелия, скотоводства и обеспечения кормовыми средствами. Будучи сам родом из Новгородской губернии (тогда Череповец относился к этой области), он был озабочен проблемой поддержания хозяйств северных губерний. В это время происходит долгожданное освобождение крестьянства от крепостной зависимости, и само по себе сельское хозяйство претерпевает значительные изменения, в частности, большинство владельческих хозяйств в его крае остаются без оборотного капитала и оказываются на грани банкротства. В эти годы Николая Верещагина избирают кандидатом в мировые посредники, и на этом посту он активно занимается улучшением крестьянских хозяйств, перешедших на оброк, а также тем, что определяет крестьянских детей для подготовки из них народных учителей (дабы в родном крае на Уломе можно было наконец организовать школы). Ему также удается устроить завод и наладить на нем переработку картофеля в крахмал, выхлопотать при уездном казначействе для крестьян первую сберегательную кассу, а для землевладельцев организовать заемный капитал.

Глубоко вникнув в экономику своего преимущественно сельскохозяйственного края, близко изучив крестьянский быт с его удручающе низким уровнем жизни, Николай Васильевич пришел к выводу, что в сложившейся ситуации само по себе земледелие практически не приносит дохода и единственный верный путь – широкое развитие молочного скотоводства. В частности, Череповецкий уезд с девятью тысячами десятин заливных лугов представлял собой прекрасную основу для развития молочного дела. В пользу этого проекта свидетельствовал и успешный коммерческий пример организации сыроварни пришлым швейцарцем Лейцингером в селе Малечкино Дементьевской волости. Однако тот никому не открывал свои производственные секреты, отказал он в помощи и Н. В. Верещагину: *«Научи вас, русских, делать сыр, нам, швейцарцам, здесь делать будет нечего»*. В итоге Николай по приглашению брата-художника, заняв денег на дорогу, сам поехал учиться молочным ремеслам в Швейцарию. Одновременно этому отъезду способствовало некое напряжение в семье его после не одобренной родителями женитьбы на бывшей крепостной Татьяне Ваниной. Работая подмастерьем на разных сыроварнях, набираясь опыта и знаний, он подготовил обзор, который фактически являлся диссертацией технолога. Также в Швейцарии Николай Васильевич смог перенять опыт артельного устройства сыроварен, что по возвращении в Россию позволило ему наладить в ряде мест такие крестьянские кооперации. Наибольшую поддержку его инициативам оказали власти в Тверской губернии под финансирование, завещанное купцом Яковлевым на развитие этой губернии. Известный исторический факт: одной из правительственных ревизий, подтвердившей успех начатого им молочного дела, руководил сам Д. И. Менделеев, с которым у Николая Васильевича позже сложились дружеские и деловые отношения.

В итоге Дмитрий Иванович оказал посильную помощь и поддержку отечественному масло- и сыроварению, помог организовать химические лаборатории для поднятия качества продуктов. Он же помог и в организации в селе Едимоново первой молочной школы (с собственными маслодельней и сыроварней, а также с большим стадом дойных коров) – для подготовки специалистов молочного производства. Школа открылась в мае 1871-го и просуществовала до 1901 года. Фактически ученики и преподаватели школы – «едимоновцы» – стали первыми представителями народников, готовивших себя к «походу в народ» и владеющих

навыками крайне полезных для крестьянства ремесел и знаний. Подводя итоги работы школы на всероссийской выставке в 1882 году, Н. В. Верещагин озвучил такие цифры о возглавляемой им молочной школе: всего поступили на учебу 367 человек, окончили учение 229, еще учатся 36; среди учившихся 25 дворян, 204 крестьянина, 62 духовного звания, 45 разночинцев, прочие – мещане. К концу же своего существования едимоновская школа выпустила не менее 1200 мастеров и организаторов молочного хозяйства. Пример школы и молочного хозяйства в Едимоново тогда звучал на всю страну, и даже о ней знали в Европе. О школе говорили и в столичных министерствах, и на земских собраниях, даже на заседаниях Государственного Совета, а особо часто – в различных сельскохозяйственных и экономических добровольных обществах. Сюда приезжали «для ознакомления» профессора, министры, эксперты-молочники из европейских стран. Об опыте хозяйства Н. В. Верещагина публиковалась масса статей (более 60 написано самим Николаем Васильевичем), вокруг него постепенно сформировалась широкая группа единомышленников, меценатов, патриотически настроенных и готовых оказать поддержку чиновников и купцов. Отсюда шло распространение опыта организации молочной промышленности по всем губерниям России. Здесь формировались будущие молочные империи братьев Бландовых, Чичкина, Сокульского и других. В 1913 году, например, Сибирь от продажи масла получила вдвое больше дохода, чем от продажи золота. Здесь впервые появились и были внедрены такие заграничные технологические новшества, как молочный сепаратор (свой первый приводной сепаратор швед Карл Густав Лаваль создал и запатентовал в 1878 году, и в этом же году второй экземпляр этой машины уже работал в Едимонове). Уже в 1898 году в России было продано 25 тысяч сепараторов (при этом только по железным дорогам в тот год перевезено 20 миллионов пудов молочных продуктов, экспортировано за границу сливочного масла 40 тысяч пудов). В начале XX века экспорт молочных продуктов из России достиг 3 миллионов пудов на сумму 44 миллиона рублей. При этом в 1913 году каждый третий изготовленный сепаратор шведы поставляли именно в Россию. В 1900 году на Всемирной выставке в Париже масло из России получило первое место и золотую медаль. Долгое время в Европе его будут называть русским, а в России – парижским (в наше время – вологодским).

Н. В. Верещагин особо сильно мечтал о развитии молочного дела и продвигал его в собственном крае – в Череповецком районе и на Вологодчине в целом. По его приглашению первые артельные маслодельни под Вологдой в селе Фоминском (теперь это поселок Молочное) организовала семья датчан по фамилии Буман, также предварительно прошедших стажировку в Едимоново. В 1911—1913 годах, уже после смерти Н. В. Верещагина (1907 г.), на базе их хозяйства был открыт специализированный молочный институт (ставший первым вузом на Вологодчине), активно развивавшийся и в годы советской власти. К сожалению, после революции многие ученики и подвижники молочного дела были оклеветаны и даже расстреляны как враги народа. Тем не менее все последующие эпохи Николай Васильевич Верещагин хоть и оставался в тени своего прославленного старшего брата художника Василия, по праву считался и считается отцом и основателем молочного дела России.

#

По материалам книги «Н. В. Верещагин – гражданин, подвижник, патриот». ISBN 978-5-94022-078-7. 2020

Войдя в дом через парадное крыльцо, парень первым делом подивился на шикарные ковровые дорожки и плюшевые портьеры малинового цвета на дверях. Тут же стояли два больших кресла-качалки (ох как захотелось попробовать в них присесть…), вся мебель была из темного дерева, стены оклеены красивыми обоями. Ивану не в первый раз случалось заходить в богатые дома и квартиры, но каждый раз у него по спине пробегала трепетная дрожь уважения и почтения к людям, обладающим такой красотой и художественным вкусом. Это было чув-

ство, далекое от зависти, так как имело в своей основе желание не обладать такими вещами, а самому уметь делать нечто подобное.

– Василий! Да ты ли это? – В коридоре дома показался бородатый седой старик в темном сюртуке, с карманными часами на цепочке и с длинными распущенными волосами. Глаза его выглядели невольно прищуренными из-за света, исходящего внутрь через открытую дверь, голос же был хоть и по-барски покровительственным, но с приятными душевными нотками.

– Да вот, батюшка, Николай Васильевич, как только получил от Вас письмецо, сразу же мы с сынишкой и засобирались приехать, пожелать Вам крепкого здоровья да благоденствия всему Вашему семейству. Вот тут еще кое-какие гостинцы мы привезли, простенькие – это вот ковка с орнаментом, мой Ванютка сам изготовил, ну, да это все потом… Здорова ли Татьяна Ивановна да сынки Ваши с внучками? Дай бог им всем здоровья, а Вам-то особо, учитель!

– Спасибо, спасибо. Все у нас хорошо, да все мы здоров*е*ньки. Сейчас велю на стол собирать да с нетерпением жду разговора с тобой. Танечка! (В этот миг откуда-то из недр дома к ним подошла худенькая старушка-жена.) Признаешь ли ты земляка нашего Васеньку, что учился у меня с первого захода в Едимоновке?

Татьяна Ивановна распахнула такие же прищуренные, как у мужа, глазки и с радостной интонацией заголосила: «Васенька! Да ты ли это? Каков уже муж-то статный стал! А был-то мальцом худ*е*шеньким, как жердочка! А это что – сынок твой, старшенький? Похож! Ну, впрямь ты сам, когда жил у нас в Едимоново…»

– Да, вот сыночка Ванютку взял с собой. Пусть запомнит, как в Пертовке с Николаем Васильевичем самолично ручкался, да потом про то детям и внукам будет рассказывать. Сам-то я в молочном хозяйстве не преуспел, не дал бог мне, видимо, нужной хватки купеческой да удачи мужицкой. Хозяйство, что вначале смог у себя на селе отстроить с бурлацких денег, так и разорилось по-глупому. Поднял я тогда под кредит стадо в десять коров да с соседями скооперировался, свой сепаратор в аренде имелся – масло с хорошей прибылью мы артельно работали два года, много в Рыбинск его свозил, аккурат мимо вашей усадьбы часто сплавлялся. Все казалось, будет в скором времени не хуже того, что мы в коммуне едимоновской сработали под Вашим наставничеством. Даже сыроделие уже пробовать стал, да вот по божьей воле напасть в виде коровьей чумы у нас в волости случилась тогда. Все и потерял, в одночасье. Уж прости, Николай Васильевич – не сдюжил я дело молочное, не оправдал твоей надежды. Потом в артель прасолов[1] устроился на время, да тоже не вышло обогатиться – совестно было земляков своих спаивать да обманывать при выкупе у них в нужду животины. Начал давать людям божескую цену, да свои же артельные мужики меня за то и побили, а потом и выгнали со штрафом за совесть мою. Вот теперь мечтаю, чтобы сынки мои Иван да Николай младший по этой части более удачливыми стали, рассказываю им да показываю все секреты нашего молочного дела. Еще пять доченек имеются, они тоже к этому делу мной привлечены. Самолично сепаратор смастерил, да еще и усовершенствовал его немного по сравнению с альфалавалевским. Да только все наше теперешнее хозяйство родовое – две коровы, да лошадка, да десять десятин землицы. Всего в деревне, кроме нашего, еще двадцать хозяйств, но там все больше по одной корове да по пяти десятин земли худосочной. Чтобы выжить, приходится нам к помещику местному Ломову наниматься на полевые работы да на скотный его двор на черновую работу, а это полтина в день на мужика, когда он в лом, или даже за тридцать копеек, если женщина весь день на него горбатится. Предлагал я барину нашему производство масла наладить в кооперации с нашими дворовыми хозяйствами, но не хочет он моей помощи, а у самого-то двадцать пять коровенок да сто тридцать десятин кормовой земли. Есть где развернуться! В общем, сам хозяйство свое без прибыли держит да по уму ничего делать не желает, только из крестьян соки последние сосет, потому как и нам деваться от нужды особо некуда…

[1] Прасол – оптовый скупщик в деревнях скота для перепродажи.

– Ну, Василий, как был ты словоохотливым, так им и остался! Не даешь слушателю в твою речь слово даже вставить да вопросик дельный задать. Так по-сорочьи и стрекочешь все! Нет, все по делу, конечно, – меня это в тебе всегда умиляло! Пойдем из дверей, сядем в гостиной по-человечески за штофиком да не спеша, обстоятельно и поговорим с тобой. Потому как меня все то, о чем ты сейчас говорил, заинтересовало: и как ты с соседями по селу кооперацию тогда сладил, и что за коровий падеж у вас там случился, ну и, главное, что ты там с сепаратором такое сотворил, коли сам Карл Густав де Лаваль тебе больше не авторитет в этом деле! Ванюшка, – обратился Верещагин к раскрывшему от изумления рот парню, – ты давай немного погуляй по усадьбе нашей, пока мы с твоим папаней беседу держать станем, а вот через часок приходи к нам на самовар. Мне тебя тоже надо будет кое о чем порасспросить!

Набродившись по окрестностям Пертовки, по уходящему в зиму господскому парку, по берегу Шексны, уставший Иван боязливо вернулся в дом. Сапоги его теперь были измазаны грязью, поэтому он их сразу же снял, стесняясь оставить на полу хотя бы один невольный след. Помогла служанка – забрала у парня обувь, сходила на кухню и быстро вернула ему аккуратно вымытые и вытертые сапоги. Это было очень кстати – не идти же к хозяевам в портянках…

Войдя по указанию работницы в гостиную, Иван обратил внимание, что отец с хозяином «чаевничали» пока за графинчиком прозрачной жидкости. Судя по взбодрившемуся у обоих настроению, скорее всего, это была водка. Рядом на тарелках лежали скромные остатки различных солений, огурчиков и грибочков. Видимо, основные темы у учителя с учеником уже были обсуждены, потому как появление парня в их компании сразу же дало повод привлечь к разговору и его.

– Ну, как тебе наша Пертовка? В саду был? Видел где еще такую красоту благодатную? А если вдуматься-то: ну какая такая здесь может быть красота? Ни тебе гор швейцарских, ни величественных водопадов и порогов, ни снежных пиков с играющими на них светотенями – натурально равнина плоская, да еще и поделом заболоченная. Ну, вот разве что река-красавица, да луга молочные, да леса первозданные – получается все же рай, да и только! А ты как считаешь, отрок Иван? – Барин опять с прищуром посматривал на парня, хотя уже никакого лишнего яркого света в комнате не было.

– Правда Ваша, господин Верещагин. Гор очарованных швейцарских я, конечно, не видал, а наш край русский – самый что ни на есть благодатный. Потому как это же *наш* край, а не чужбина какая-нибудь. Мне и сельцо наше милее всех городов и сел, потому как оно ближе мне по духу, и семья моя там, и хозяйство, и земля, нашим потом п*о*литая.

– Молодец! Любишь, значит, наш северный край! Только любить его – это не значит все восхвалять бездумно, а еще и по делу ругать, если недостатки какие видишь и исправить их хочешь, – бороться, чтобы разное там говно нашей лучшей жизни не мешало, не тянуло нас в трясину невежества и застоя. Тот, кто не двигается вперед, поневоле, знаешь, сползает назад… Тятя твой хвалил мне тебя за умелости в ремеслах да за склонности к учебам. Говорит, что и по сапожному делу, и по кузнечному, и по молочным наукам ты хорошо преуспел уже. Так кем же тебе быть-то надо, если всяко дело тебе одинаково подходит? Может, мне поспособствовать, чтобы тебя к Буманам к молочному делу взяли в обучение, как я твоего отца когда-то? Это под Вологдой, в селе Фоминском. Ну как, дать такую рекомендацию? Поедешь туда?

– Я бы и поехал, да дед наш Грозный Иван не отпустит. Меня звали давеча после церковно-приходской школы, как способного, на учителя дальше учиться, недалече, в селе Нелазком. Так дед наш и на то не пустил, сказал: «Учись лучше сапоги шить, пользы больше будет. А то вон на новом деле отец твой погорел – тому наука, что проверенное дело надо освоить, писать-читать умеешь, а математики и языки всякие и без тебя есть кому учить». Вот мы с Колей-братом под его руководством сапоги-то теперь и шьем-починяем, да по зиме ходим на заработки, больше в соседний Белозерский уезд.

– Неправ твой дед, совсем неправ, перспективы в жизни не видит. Нельзя молодежи жить вчерашним днем. Это, получается, каждый сверчок знай свой шесток… Если ты не дурак, то поймешь то, о чем я тебе сейчас скажу. Пока в нашей России было право крепостное, мы, знаешь ли, сильно отстали от Европы да от Америки заморской, плетемся в конце прогресса, на натуральном хозяйстве впроголодь держимся и все никак ума не наживем. Рабский труд – он только помещикам был выгоден, а государство и сам народ от него хиреют. Для государства нужна наука, да инициатива, да стремление к лучшей жизни от его жителей, а не сидеть в теплом гнездышке из привычного дерьма. Отечеству право нужно, чтобы сыны его с каждым поколением все выше и выше взлетали в своем благосостоянии и в знаниях да чтобы добротные дома себе могли построить, мебель и картины красивые завести, обустроить дороги, заводы, машины там разные чтобы начали придумывать, а если надо, то и чтобы глупым и вороватым начальникам под зад коленом надавали, коли те смеют мешать прогрессу человеческому. Сейчас время такое, что с каждым годом народ может жить все лучше и лучше. Прогресс такое время называется. Увидишь, скоро так и будет жизнь твоего поколения налаживаться. В том наука да инженер*ия* нам помогут. Но для этого что нужно от тебя самого? Первое – учиться всему тому, что пока не умеешь и не знаешь, второе – стремиться в деле быть лучшим, и тогда еще можно заслуженно стать богаче прочих, ну а третье – брать от предков своих все самое ценное: от дворян – образованность и приличия, от купцов – деловитость и смелость, от крестьян – практичность и чувство долга. Через сто лет, поверь мне, уйдут прочь все сословия, да, но люди все равно будут жить по-разному: умные, смелые да деловые – встанут во главе земств и всего государства, а глупые, трусливые и ленивые – те, к сожалению, так и останутся обузой на его дне. Не бога надо теперь бояться, а чтобы дурачком не остаться!

С Иваном еще никто про подобное никогда не говорил. Парень был прямо ошарашен, и в то же время в голове его с опилками начиналось какое-то просветление от слов хозяина усадьбы, человека явно неординарного. Иван и сам нередко мечтал, чтобы судьба дала ему шанс выбиться в люди, разбогатеть немного (насколько могло тогда хватить крестьянской фантазии), получить признание и уважение у односельчан, а может, и в самой волости. А тут барин в открытую говорит, что если к этому и даже сверх этого не стремиться, а жить по налаженной его предками обыденности, то от лучших людей отечества будет тебе позор с презрениями, и еще пророчит он тебе тогда долю незавидную.

– А вот что скажи мне, Иван. Как ты считаешь, отчего у отца твоего не сложилось дело-то по молочной части? Если сейчас скажешь, как он мне давеча говорил, про скотский падеж ненароком – я в тебе разочаруюсь…

Иван хотел было рассказать, как отчаянно боролись его родители тогда с этим несчастьем, как переживали, как горевали смертушку каждой коровы, как унижались, чтобы занять денег на лечение тех коров… Но, видимо, не про то был вопрос господина Верещагина. Его охватил ужас, что он не знает, как правильно теперь ответить этому седому господину, а и молчать было нельзя – за дурачка примут, потом не отмоешься от позора праведного…

– Думаю… думаю, что причиной тому было отсутствие у тяти запасного плана на такой крайний случай, – кажется, невпопад сказал парень и оттого даже зажмурился от страха за произнесенную нелепость.

– Ай да молодец! Ай да умница ты наша! – закричал вдруг хозяин. – Уловил-таки глубину дела! Вот оно что, Василий, напишу я тебе на него рекомендацию, да не к Буманам, а для работы у делового человека в Череповце. У американцев и англичан это называется учиться бизнесу, а по-нашему – деловой хватке в коммерции. Если сын твой сам понял то, что он сейчас нам сказал, то не мастером ему быть, а как минимум управляющим, а то и хозяином всего дела! Все-таки наши дети должны достигать более высоких высот, чем их родители. Пока это правило будет соблюдаться, то и дело будет в России на подъеме. Иначе же все развалится да рассыплется. На одной стагнации прогресса не добудешь.

То ли водка так раззадорила Николая Васильевича, то ли действительно так ему Иван приглянулся, но дальше, уже за чаем, в кругу своего семейства Верещагина потянуло на воспоминания о собственных провалах в бизнесе.

– Случались у нас в едимоновской молочной школе разовые проблемы, требующие денежного вспомогания. Само-то село богатое, сто дворов, церковь, постоялый двор, чайная, лавки торговые, кузни – целых три! Кроме большого крестьянского стада, еще и у помещика барона Корфа восемьдесят дойных коров имелось. Потому ежедневный удой велик был, на молоке том держали не только школу молочного хозяйства, но и маслодельню с сыроварней. Ученики, конечно, немало молока на этом производственном деле попортили, но сырья там всегда в избытке было. Дело торговое – живое, потому неоднократно я просил тверскую управу о кредитах. Земство нам много помогало: и субсидию на открытие склада артельных сыроварен в Петербурге дало, а еще ссуды селянам на устройство артелей, опять же стипендии ученикам организовало – помнишь, Василий, тебе же тоже денежку при всем твоем личном голодранстве давали? То-то же! Земства в губерниях в те годы хорошо артели поддерживали. Не только наши молочные, но и сапожников, кузнецов, смолокуров там разных. Ну, а за нас персонально всегда ратовало Вольное экономическое общество, а кроме того, было еще и крепкое покровительство от самого Великого князя Николая Николаевича. Хорошая мысль тогда у нас возникла: обзавестись в Петербурге собственным складом для артельных сыроварен, чтобы освободиться от диктата столичных скупщиков. Это, естественно, подняло прибыль. Поначалу торговал там и вел все счетоводство обычный крестьянин Никифор Сивой, очень способный и надежный человек. Однако со временем бухгалтерия стала усложняться, ежегодный оборот достиг 12 тысяч рублей, потому помогать в этом деле вызвался один помещик Старицкого уезда Козлов, земство с ним заключило надлежащий договор. К тому времени в Петербурге у нас уже было пять лавок, все на бойком месте. Создали филиал и в Москве. Ревизоры всегда отмечали, что товарный и денежный отчеты у нас везде в идеальном состоянии. Девять лет так работали, и вдруг наш доверенный Козлов пропал… со всеми деньгами… Для покрытия убытков управа в свою очередь продала его родовое имение. Мы об этом господине тогда плохо думали, хоть нам и компенсировали все потери. Что потом оказалось? Злого умысла господин Козлов, оказывается, не имел. Наоборот, он идейно проникся изобретением электрических лампочек Лодыгина и помог тому организовать их производство в России, создав «Товарищество электрического освещения». Но каждое передовое дело на первом этапе всегда крайне рискованное, потому они там и прогорели с треском. Сам этот Козлов, хотя поначалу и прятался где-то, но в итоге, не зная еще, что имение его продано за долги, нашел нужные средства и перевел их нам анонимно. Получается, что тем самым дважды погасил растрату! Но для нашей кооперации на том проблемы не закончились… Его поступок и вынужденное банкротство сильно повредили всему торговому молочному делу в Петербурге. Репутация есть репутация… Потом комиссионером в столице стал господин Чистяков, он и поправил дело. А сами мы тогда вынужденно ушли с этого торгового дела, зато его торговый дом на наших «развалинах» хорошо поднялся. В Москве такого скандала не было, но, страхуясь, за это направление там по моей воле взялся флотский мой товарищ Бландов. У него с братом дело разрослось, да так, что половина всех молочных магазинов теперь – это торгово-промышленное товарищество «Братья Бландовы». К чему я вспомнил про те события? Не всякому дано откопать золотую жилу, но важно еще и суметь сделать следующий шаг в расширении дела – закрепить коммерческий успех, вот только тогда ты и миллионщик! Я-то лично к тому богатству никогда не стремился, однако усвоил, что без оборотного капитала можно и само первичное дело легко погубить. Вот история с нашим гостем, Василием Ропаковым, есть тому наглядный пример. Мотай на ус, Ванютка! Но главное все же – это не чтобы не потерять бизнес, а чтобы сохранить в переломный момент свою честь и лицо. Для того я про помещика Козлова и вспомнил сегодня. Также имей в виду, парень, что каким бы ты благородным и полезным делом ни зани-

мался, всегда найдутся негодяи, которые его изрядно извратят. Матушка, Татьяна Ивановна, ты же помнишь, как на меня неоднократно писали и печатали разные кляузы? Особо про тот самый случай с лжебанкротством, когда потом князь Мещерский и Алексей Толстой давали в журнале «Отечественные записки» опровержение и подвергли обструкции некого глумливого анонима Ъ. А сколько было в печати инсинуаций про то, что своим производством масла и сыра мы, маслоделы, «лишаем голодных деток молока»! Даже вспоминать про эти глупости без смеха теперь не получается…

В этот день обед в усадьбе плавно перетек в ужин, но компания из полного состава семейства Верещагиных и двух «залетных» гостей-простолюдинов все равно засиделась допоздна, нещадно обновляя свечи. Молодые господа неоднократно при этом музицировали и показывали свои таланты в форме небольших домашних спектаклей, особенно здесь усердствовали обе внучки Николая Васильевича. В ответ на просьбы хозяев гости как могли спевали из своего наиболее приличного репертуара песни деревенского фольклора. Ванюшке водки по настоянию отца не давали, но от всего происходящего у него голова шла кругом больше других…

Переночевав у радушного семейства Верещагиных, наутро отец и с сыном тронулись в путь домой. Перед самым отъездом, прощаясь с Василием, Николай Васильевич передал ему в конверте обещанное письмо-рекомендацию для сына. Поблагодарив учителя и его гостеприимное семейство, с навернувшимися на глаза слезами Василий тронул свою повозку в обратный путь. В этот раз он глубоко молчал, погруженный в свои грустные мысли, – вряд ли еще придется свидеться с учителем, ведь тот по здоровью своему явно нехорош… Иван же сам отца ни о чем не спрашивал, пока, уже отъехав верст на пять от скрывшейся с глаз Пертовки, Василий вдруг не вспомнил про письмо и тогда решил из любопытства посмотреть, кому же оно адресовано. Взглянув на надпись на конверте, он вздрогнул: «Ну дела! Сын, да это же письмо к самому Милютину!»

Про Милютина Иван кое-что слышал, и не раз: городской голова Череповца, самый крупный по меркам их края промышленник и купец. Бывая в городе, парень не раз видел его «игрушечный» двухэтажный особняк с крышей сложной ломаной конструкции и с резными наличниками на террасе, галереях и балконах. Дом этот, красиво вписанный архитектором над крутым речным обрывом, напоминал некий сказочный терем. Единственный подход к нему был со стороны Соборной площади, что недалече от самого Воскресенского собора. Слева от усадьбы городского головы в овраге проходил булыжный древний спуск с Соборной горки к рекам Ягорбе и Шексне, справа же протекал в глубоком овраге журчащий ручей. Сам дом с обустроенным вокруг английским ландшафтным садом на площади 1750 саженей имел кирпичные нижний этаж и цоколь, а также деревянный верхний этаж с профилированной обшивкой, декорированный резьбой и разными иными художественными украшениями. Парень не знал, что за полсотни лет хозяин его неоднократно перестраивал и улучшал по мере роста своего благосостояния и семейства, но при взгляде на этот шедевр русского зодчества Ивану невольно думалось: «Кем же надо в этой жизни быть, чтобы так вкусно и красиво жить?»

Русский Оксфорд

Историческая справка: *Иван Андреевич Милютин* родился в 1829 году в городе Череповце, купец 1-й гильдии, почетный гражданин города, промышленник, просветитель, публицист, благотворитель, политический деятель, являлся городским головой Череповца начиная с 1861 года и до самой своей смерти (1907), за свои неординарные заслуги перед Отечеством получил потомственное дворянство, имел чин действительного статского советника, в его доме неоднократно гостили проездом представители царской династии.

Известно, что И. А. Милютин и его младший брат рано осиротели, поэтому он сам имел возможность проучиться в школе только один год, но зато всю жизнь постоянно совершенствовался в самообразовании. Начинали Милютины свое дело с мясной торговли и заготовки скота, затем занимались торговлей хлебом, в какой-то момент братья начали возить его сами на купленной лодке в Рыбинск. С 1870-х годов Иван Андреевич являлся уже крупным судовладельцем и купцом, который активно способствовал развитию судоходства на реках Севера России, а также модернизации Мариинской водной системы[2]. Вместе с братом Василием они построили в Череповце в месте слияния рек Ягорбы и Шексны крупный судоремонтный завод с сухим доком, где не только ремонтировали, но впоследствии и строили собственные суда (например, тут были построены три грузовых брига дальнего плавания «Россия», «Шексна», «Алексей», ходившие из Петербурга в порты Европы и Америки морским путем). Ко всему Иван Андреевич был еще удачливым банкиром, являлся одним из создателей Санкт-Петербургского Волжско-Камского коммерческого банка. Однако потомки чтят Милютина не за его коммерческие таланты и успехи, а за безмерный личный вклад в развитие, благоустройство и озеленение города, за меценатство и широкую благотворительную деятельность.

За время своей деятельности на посту городского головы Иван Андреевич превратил Череповец из грязного захолустного беспробудного городка с 2700 жителями в оживленный промышленный и торговый центр обширного района, в культурный город-сад со множеством учебных заведений и общественных полезных учреждений, с численностью населения более 10 000 (где каждый пятый житель к тому же являлся учащимся одного из 13 действующих учебных заведений). Благодаря безудержному развитию усердиями Милютина системы образования уездный город Череповец в конце XIX века в публикациях часто называли русским Оксфордом или же северными череповецкими Афинами. Несмотря на активное развитие образования в самом городе, тем не менее при этом еще и каждый третий в уезде со 100-тысячным населением оставался неграмотен. «Пребывание в невежестве, – считал Иван Андреевич, – и есть причина неизбежной бедности народа». Один из сыновей Милютина Андрей (умер в 1915 году) несколько лет продолжал миссию отца на посту городского головы.

Шесть учебных заведений были особой гордостью создавшего их градоначальника: сельскохозяйственная школа (где учили и прививали навыки рационального земледелия, скотоводства, пчеловодства, садоводства, а также таким ремеслам, как столярное, кузнечное, шорное, починка земледельческих орудий и машин), Александровское техническое училище (готовило токарей, слесарей, столяров, чертежников; большинство профессий были с уклоном в пароходостроение), учительская семинария, реальное училище, женская гимназия и профессиональное женское училище.

---

[2] Мариинской водная система, кстати, была так названа в честь супруги Павла I Марии Федоровны Романовой, одолжившей государю в 1799 году из личных средств два миллиона рублей, часть которых предназначалось «на скорейшее построение Вытегорского канала». Мариинская водная система включала реку Шексну от Волги до Белоозера (330 верст), Белое озеро – обводной канал (40 верст), реку Ковжу (40 верст), далее «по ту сторону водораздела» реку Вытегру (20 верст), Онежское озеро (30 верст), реку Свирь (150 верст), Ладожское озеро – обводной канал (160 верст), реку Неву до Петербурга (50 верст) с выходом в Балтийское море.

Практически при каждом учебном заведении был разбит собственный сад или зеленый уголок, образовавший зеленое кольцо города. Кроме того, в городе усилиями Милютина было создано три общественных парка (Соборный, Источницкий с часовенкой и лужайками на берегу реки Ягорба и Соляной, он же Милютинский), высажены сады у железнодорожной станции и у краеведческого музея, были разбиты аллеи, два бульвара, функционировал свой питомник. Соревновались между собой в плане озеленения экзотическими редкостями и хозяева многочисленных городских и загородных усадеб. Город буквально утопал в зелени садов и бульваров, отмечали его гости.

Так как центр города располагался на высокой возвышенности, то первое, что бросалось путнику, прибывающему в него по реке, – это живописные Соборная горка и соседний холм, на котором сквозь листву проступали очертания сказочного вида деревянного особняка самого градоначальника. Спуски с обоих холмов были заботливо и продуманно озеленены липами и соснами. Кроме того, меж ними можно было увидеть клены, вязы, сирень, жасмин.

С холмов вели два вымощенных камнем спуска – один к реке Шексне с ее причалами и второй по Соборному переулку к реке Ягорбе. В результате зеленый массив Соборной горки с окрестностями, эти два спуска и сама набережная на стрелке образовывали речные ворота города, любимое место гуляний населения города. Скоро оно было расширено за счет прилегающих по правому берегу Шексны территорий: добавились садово-парковые зоны Александровского технического училища и городского Соляного (на месте бывших соляных складов) парка отдыха и развлечений.

При И. А. Милютине были также открыты общественная библиотека, музей, книжный магазин, аптека, типография, дом призрения, создана гавань, проведена через Череповец железная дорога из Петербурга в Вологду. Большие усилия (включая вложение своих собственных денег) городской голова приложил к делу озеленения города, к созданию в нем уникального Ботанического сада и городского общедоступного Соляного парка.

#

По материалам публикаций в краеведческих альманахах «Череповец», книги 1—3.

Путь отца с сыном неминуемо проходил от Пертовки домой в село Сельцы через место пересечения всех дорог края – уездный град Череповец. До того пришлось опять два раза переправляться через реку Шексну на паромных л*о*дьях – сначала с правого берега на левый, а уже в самом городе обратно с левого на правый. Эти переезды были не только утомительны стоянием в очередях, но и довольно обременительны для простого народа по деньгам. Что делать, приходилось с этими тратами мириться – не каждый день судьба давала возможность поднять голову над своей крестьянской долей, дотянуться до уровня тех небожителей, кто творил историю на их земле.

На обратном пути отец опять много и непрерывно рассказывал сыну, который диву давался тому, сколько же всего интересного его тятя познал прежде, чем осел в своем тесном захолустном деревенском мирке.

– Вот, смотри, Ванютка! Едем мы с тобой дорогой вдоль реки Шексны, а рядом много старинных названий сел и городов: Череповец, Весьегонск, Луковец… Что ты в этих названиях видишь общего? Нет идей? А все потому, что эти названия язык русский немного исковеркал. Истинные же те названия таковы: Черепо-Весь, Весь-Егонск, Луко-Весь. Чуешь? Везде сидит слово «весь», а это, знаешь ли, название народа-племени, жившего на нашей землице еще до сотворения Руси. И поселения, мною названные, – их становища. Ну, по-нашему центры княжеских уделов. Весь, или вепсы, или еще их иногда чудью кличут – они и сейчас кое-где местами в Белозерье встречаются небольшими поселениями, только их там в чистом виде мало крайне. Спрашивается, куда-таки делись те люди, охотники да рыболовы. А все просто:

мы же их прямые потомки и есть на свете. Вот тыщу лет назад пришли сюда иные народы: русские с юга да ильменцы с запада, вот они постепенно и смешивались с чудинами. Теперь мы как бы все русские, но притом крови вепсской в нашем народе, считай, даже больше, чем славянско-русской. И так, знаешь, по всему царству Российскому: приходили дружины с Киева да с Москвы, а еще купцы с Новгорода, с Твери, да монахи с Троицы и Владимира – все православные люди. Те постепенно смешивались с разной местной языческой мерей, весью, мордвой, да и прочей татарней, кои народы переходили уже в новую христианскую веру да в русский обычай – вот и образовалось такое великое и бескрайнее русское государство. А ты думал как? Одна русская баба столько народа нарожала? Жди!

– Ой, а мы же знаем Оську-Чудина с Погорелки! Познакомились с ним на сапожнем промысле в Белозерске, и погост, кстати, у них в деревне Чудью называется. Папка у него больно грамотный да искусный в нашем ремесле.

– Да, слышал я ваши с дедом россказни. Не о том речь сейчас, а о другом – что все мы, народ в крае на реке Шексне, как бы метисы. Слово то не в обиду сказано, означает лишь нечетко выраженную породу. Ну, как у коров или у барских собак, что ли. Однако смешение это в молочном деле шибко раньше в Европе практиковали, чтобы отобрать и вырастить высокодойные экземпляры скота, а потом из них уже размножить лучшими производителями большие стада. Вот, пускай у нас и у них теперь коров одинаково да кормим мы их совсем одинаково, а все же от нашей коровенки в год я в лучшем случае надою пятьдесят-шестьдесят ведер молока, а, скажем, швейцарские коровы без труда дадут на круг от каждой особи аж по сто семьдесят ведер! Нам про то в Едимоново еще говорили. Селекция да прочие там науки, а в итоге их крестьянин в разы больше молока произведет, да и на полях так же все будет с урожаями по зерну, если по научной агрономии работать. Понял теперь слова Николая Васильевича, тебе сказанные: «Наука – это как паровоз в поезде! А не хочешь ей пользоваться – езжай на телеге, недалече же уедешь!»

Въехали в город уже затемно, усталые путники сразу же отправились на временный постой на двор к одному своему дальнему родственнику Федору Тихомирову, где им приходилось бывать в своей неприкаянной жизни частыми гостями. Там и лошадь с повозкой можно оставить, да и ночлег в сарае поиметь, а заодно и повод выпить с родней найдется (ну, на это дело уже, конечно, придется раскошелиться Василию, ведь надо чем-то отблагодарить хозяев за постоянное беспокойство). А тут еще не терпится про нынешнюю поездку в Пертовскую усадьбу похвастать…

Путники решили потянуть удачу за хвост и сразу же, не откладывая на потом, показаться где надо с рекомендацией Верещагина к Милютину. Причем мысль пришла идти непосредственно к нему домой с утра, потому как в присутственном месте и без них было бы невесть сколько просителей, да и там все больше люди благородные, не им чета. Другое дело – передать письмо в ситуации, когда барин будет помягче в своей домашней обстановке, среди семьи, с детьми да с внуками. В том, что сразу их не погонят в шею, Василий не сомневался, ведь у них был припасен золотой ключик…

Николай Васильевич Верещагин считай что ровня самому голове, потому ему он никак не сможет отказать в малой просьбе. Ну, хотя бы письмо-то прочтет, а уж там как боженька дальше распорядится (к слову, в Бога Василий верил только на людях, а так сам по себе в этой вере, особо по ритуальной части, был непоследователен и явно пренебрежителен; домашние это видели и тоже не сильно старались, правда, часто крестились и божились – да и только…)

Ваньке бы сейчас в самый раз к какому делу в жизни приткнуться, иначе годы, благодатные для обучения, пролетят быстро, а потом и локти кусать уже поздно станет. В селе их, хоть оно всего в десяти верстах от города, все беспросветно, с голоду, конечно, не помрешь, но и в люди не выбьешься. Да и с нажитыми ремеслами трудновато теперь стало – почитай, таких умельцев сапожного дела в волости сейчас каждый пятый, и все хотят заработок сыскать,

кусок хлеба друг у друга перехватывают на лету. Вот если бы дело какое редкое да прибыльное знать, ну или как сейчас может выпасть Ваньке в приказчики попасть. Он хваткий, справится, да выслужится справно на том!

В итоге в тот день отец Ивана с Федором за ночь выкушали полный штоф водки. Хозяин был человек молчаливый, неконфликтный – лучшего слушателя для Василия было и не сыскать! Уж как он ему пытался объяснить, какой это Николай Васильевич Верещагин великий человечище, да что он там в молочном деле самолично открыл и изобрел, – тот только на эти речи осоловелыми преданными глазками пялился да повядшей своей головушкой покачивал в такт за распалившимся «дирижером». Иван сначала сидел при них трезвым дураком, потом от греха подальше забрал у отца письмо (которое тот уже множество раз доставал для Федора в подтверждение своих рассказов и в итоге готов был потерять или испортить), после чего удалился спать в отведенное им место. Снилось что-то очень хорошее, доброе, светлое. Да вот беда, проснувшись, ничего не смог из того сна вспомнить.

Просыпался Иван всегда по-крестьянски ранешенько, еще до петухов. Здесь особо можно было бы и не спешить, не дома же, не на хозяйстве. Ну, встал, сходил до ветру, умылся колодезной водой, почистил зубы смоченным пальцем с сажей, привел в порядок свое дорожное одеяние, надраил ваксой самолично им сшитые сапоги.

Все равно рановато еще идти к Милютиным, хорошо, что день хоть и пасмурный, но без дождика. Парень еще вчера понял, что пойдет туда в любом случае один, отец явно не протрезвеет, а еще целый день сидеть тут было невмоготу. Продумал, как подойдет сам к знакомой усадьбе, зайдет через калитку и будет стучать в дверь, как это делают все посыльные. Допустим, дверь откроет кто-то из прислуги – он им четко так скажет: «Письмо личное для господина Ивана Андреевича Милютина от помещика Николая Васильевича Верещагина, с обратным поручением!» Последние слова очень важны, а то иначе еще невесть когда голове то письмо передадут. Далее надо остаться и ждать терпеливо. В дом, конечно, его никто не пустит, а так на крыльце почему не постоять… Ну а уж потом-то как оно там еще срастется. Лишь бы барин дома оказался, иначе, если он вдруг в отъезде, все неопределенно с его будущим станет. Ждать никакой мочи нет…

Все так почти и вышло, как он спланировал. Разве что руки ходуном от дрожи ходили, когда письмецо служанке передавал, да твердого голоса сказать не вышло, пришлось два раза повторить свои мямли, пока его наконец поняли. На удивление, внутрь дома его как раз пригласили. Служанка, не только лицо, но и возраст которой он вообще не разглядел, так как смотрел больше в пол, оставила ждать в прихожей, а сама застучала каблучками по дубовой лестнице с ограждениями из пропильной резьбы наверх, на второй этаж.

Пока парень стоял в томительном ожидании, он успел хорошо рассмотреть парадную лестницу, опиравшуюся почему-то на деревянную арку из двух колонн со сводом. Назначение этой подпорки было непонятно – явно лестница была устроена так, что могла бы прочно держаться и без этой детали. Возможно, для красоты? Или, например, для фотографирования? Но какая тут красота, если она совсем не нужна для прочности!

Далее на стене висела замечательная картина с изображением головы вороной лошади с уздечкой – как живая, даже со слезинкой в глазу. Иван страсть любил художества – особо если они были рисованы художником так натурально, что ему самому бы ни в жизнь не отобразить, даже если бы его и научили этому мастерству. Все люди, которые могли что-то сделать заведомо лучше или сказать образованнее и умнее его, были для пацана непререкаемыми авторитетами и предметами внутреннего восхищения и подражания.

Как-то года два назад зимой довелось ему еще в сопливом возрасте быть с дедом своим Иваном по сапожному промыслу в городе Белозерске. Там судьба столкнула на ярмарке с пацаном из их же волости, с деревни Погорелки Чудского прихода. Через Погорелку ту, что в двадцати верстах от родных Селец, они как раз и ездили на санях с товаром на Белое озеро.

Потому встретившийся там паренек, нескладный да угреватый, Осипом названный, коему годика на два поменьше его самого было, сразу стал Ивану в отдаленном крае не чужд – земеля же! Разговорились, что да как, стали показывать друг дружке, какой товар привезли их старшие на продажу. Мальчишка тогда и похвастал отцовскими изделиями. Боже ты мой! Каково же было чудо у них сделано из обычной коровьей юфти! Как все ладно, да добротно, да красиво даже в мелочах. И швы-невидимки, и сама выделка кожи, блестючая как зеркало, и точеные ровные каблучки, а линия голенища! Это когда Иван те сапоги примерял – они же бесподобны были в своем изяществе на ноге! Такие сапоги было впору детям царским или хотя бы княжеским носить, а не на грязной толкучке показывать, чтобы пьянь их всякая потом купила да непотребно носила. Вот тогда Иван и понял определенно, что не подняться ему никогда до вершин такого мастерства. Нету от природы нужного таланта и видения. Для таких чумовых, как он сам, сладит добротные сапоги, а уже для благородного сословия – ни в жизнь, лучше и не браться…

Потом хлопец чудиновский (собственно, так и выяснилось, что его никто иначе как Чудей и не звал) с отцом своим Степаном познакомил, мастером тех замечательных товаров. Вроде и тот мужик с виду дохляк дохляком, волосья на голове ежиком, бороденка неладная, ростом недомерок. Но как разговаривать с ним начали – до чего же умный и начитанный во всех темах человек оказался. Как приятно было беседовать с ним. Как вообще такой знатный мастер да умница смог в нищем болотном крае сподобиться взрасти?! Самородок! Потому теперь, как только мимо их деревни с дедом и братом едут, обязательно на правах знакомцев к ним на двор заглянуть треба, повидаться да разговорами с тем Степаном и с сынками его потешиться. Дядя Степан еще, оказалось, ведал по решению схода при земской школе в Чуди библиотечкой. Поп да учитель их местный в том деле поддержали исключительно его кандидатуру – потому, видимо, Степан книжек разных немало и сам начитался, а еще по секрету сказал как-то, что свою пробует рукопись писать про жизнь крестьянскую.

По лестнице наполовину вниз сбежала прежняя служивая девица в белом франтовом фартуке и, перегнувшись через перила, негромко прошипела: «Его превосходительство спрашивает, не вы ли тот молодой господин, про которого в письме ему писано?» Ивана опять прошиб холодный пот: слово «господин» в свой адрес он уже никак не мог переварить… Тем не менее у него получилось в ответ утвердительно кивнуть и пробурчать что-то типа: «Оно того самого…» Служанка опять взбежала наверх, но через минуту уже совсем спустилась и попросила Ивана снять картуз, сюртучок и вытереть сапоги: «Прошу вас пройти через дверь в мужскую гостиную и подождать немного, его превосходительство скоро к вам спустится из своих покоев».

Юноша перешел в небольшой зал и застыл в стеснительном, но полном восторге. На одной из стен была вывешена карта железных дорог европейской России, на другой красовалась схема Мариинской водной системы. Такие планы парень готов был рассматривать и изучать часами. Прочие атрибуты приемной градоначальника его мало заинтересовали. А здесь были и картины, и макет колесного парохода «Смелый», курсировавшего с 1860 года по реке Шексне от Рыбинска до Чайки (Белозерска), красочно украшенные гербы городов, изысканные фарфоровые наборы, наконец, фотографии, на которых хозяин запечатлен с венценосными гостями, как, например, с Великим Князем Владимиром Александровичем, до того трижды (1884, 1892, 1896 гг.) посетившего данный гостеприимный дом. Тут был даже оригинальный немецкий графин «Домашний доктор» в комплекте со стопками, на которых с сарказмом изображались лица людей, отведавших крепкого напитка в разных пропорциях…

Однако Иван сразу уткнулся в географические схемы, отыскивая на них знакомые названия мест, особо заинтересовали скрупулезно отмеченные и подписанные каллиграфической вязью шлюзы, гряды, мели и пороги на Шексне. О некоторых ранее приходилось слышать от отца: Ошуриха, Моностырский Язъ, Филин… А вот и месторасположение той самой Пер-

товки, до которой они давеча ездили к Верещагиным, а вот и само Белое озеро, недалече Кириллов…

– Что, молодой человек, любите путешествовать? Вижу, карты читать разумеете, раз так прилипли к ним. – Иван и не заметил, как в комнату вошли два благородно одетых господина. Один, строгого вида, сильно пожилой, с четко выраженной лысиной и окладистой бородой, – явно сам градоначальник Иван Андреевич Милютин, второй же – несколько моложе, на вид лет пятьдесят, приятной наружности и внешне чем-то похожий на хозяина.

– Здравствуйте, Ваше превосходительство! – наконец-то не растерялся поприветствовать испуганный гость. – Пока все мои путешествия были недалече города Белозерска, но мечтаю, конечно, повидать все, что здесь показано.

– Вот как! Все в твоих руках! Мой давешний друг и соратник Николай Васильевич уж больно за тебя хлопочет. Пишет, что ко многим профессиям ты уже приучен: и сапожник, и молочник, и кузнец. Да и грамоте справно обучен. А главное, отметил он, что головаст ты не по годам, да и воспитан крестьянской жизнью правильно, без вольнодумства всякого да без лени. Годков-то тебе, я так понимаю, немного, только тринадцать минуло? Молодец, что к учениям и к ремеслам разным горишь, может, толк из тебя и получится со временем. Теперь, знаешь, для человека не знатность главное да не богатства родительские, а лишь то, что он сам из себя на деле представляет да как жизнь свою на то употребит. Мы вот с братом моим младшим такими же по возрасту, как и ты сейчас, дело свое начинали, оставшись без отца, да потом и без матери. Я только год один и смог поучиться наукам, а дальше все сам: и учился, и дела свои купеческие строил. Ну, да знаешь, небось, о чем я толкую, – тут и пароходство, и банки, и чего только нету. Кроме того, еще без малого полста годков как за город наш Череповец в полном ответе. Не хочется, знаешь, чтобы дурак какой напыщенный нам, патриотам российским и людям дела, мешал тут, если вдруг в кресло мое ненароком сядет. За все про все я теперь в округе Череповецком в ответе, если что: холера там, голодуха неурожайная или буза какая-нибудь революционная – так с меня же и спросят. Даже если не царь с министрами, так Господь Бог про то спросит, когда к нему приду главный экзамен держать, а ждать-то, видимо, уж недолго осталось, куда ни кинь, а семьдесят седьмой годок мне идет. Ну да не о том я что-то теперь. Тут про батеньку твоего еще писано… Ты же один пришел, значит, он тебе как взрослому доверяет, без няньки, сам обошелся – хвалю! Посоветовался я вот с сыном и компаньоном своим Василием. – Милютин наконец вспомнил про того и жестом представил его Ивану. – Что с тобой делать? Приди ты ко мне год назад – лучше, чем учиться тебе в моем техническом Александровском училище, не придумалось бы даже. Там ты с твоими способностями всем судоремонтным специальностям выучишься, а может, даже и на механика пароходного, что сейчас крайне востребовано. Про то, что есть насущная проблема с деньгами, знаю, не беда, я бы тебе и жилье при училище организовал, да и стипендию положил бы. Только вот сейчас там, понимаешь, для тебя не самое лучшее время – много стало политического беспокойства от некоторых наших нерадивых учителей, да и от самих одурманенных глупыми лозунгами учащихся. Был у меня в прошлом такой облом великий – учили парнишку, а он возьми и в смертоубийство нашего батюшки царя Александра Николаевича вовлекись. Так, не поверишь, каждый свой день теперь начинаю с молитвы во искупление того греха нашего, что до такого мы допустили…

Иван в этот момент увидел даже, как у градоначальника в глазах заблестели искорки слезинок, а голос его перешел на тех словах на низкую ноту хрипотцы.

– Поэтому годик лучше тебе с училищем повременить, пока ситуация успокоится. А она успокоится… Война, знаешь ли, бедовая с япошками нас с пути истинного сбила – вот народ российский в смуту и потянуло. Ну да это ненадолго. Государь наш Николай Александрович сейчас всех к порядку призовет, гайки закрутит, во фрунт поставит. Ну а смутьянов мы тут всех как раз и выявим, да и чтобы на каторгу их, дабы пользу там приносили, а не как раньше –

за государственные провинности ссылали их в собственные имения да в заграницу отпускали, чтобы они на том еще большему разврату и террору научились. Глупость какая! Я сам, хочешь знать, неимоверно много сил положил для устройства образования в Череповце, а теперь вижу, как день ото дня зреет здесь рассадник смуты и вольнодумства. Учителя некоторые неблагодарные да залетные агитаторы-жиды смущают на собраниях учеников наших, забивают им головы революционными глупостями, мало им было французской революции с ее гильотинами. Тебе так скажу: держись, милок, за веру русскую православную да за царя-батюшку – это наша навеки столбовая опора, вокруг которой, сплотившись рука об руку, что хочешь построить для блага народа можно. А если дать тот столб расшатать да обрушить, то и люди в крыс сподобятся.

Иван продолжал молчаливо слушать, понимая, что Иван Андреевич рано или поздно дойдет и до его собственного дела. Ему уже много раз приходилось слышать в поездках на переправах да в трактирах споры на тему «Как правильнее обустроить жизнь в России». Против нынешнего самодержавного строя с попами и господами у него никаких возражений не было и в помине, но сильный патриотический угар заступников этого строя парня всегда коробил. Он подозревал, что такие рьяно защищающие царя с безмерной верой в него люди просто плохо знают жизнь простых людей, и особенно таких, как он, – из крестьянского сословия, а еще пуще с бедноты. А счастье человеческое надо же строить для всех, а не только для благородных…

Разумеется, сейчас у Вани хватало ума не перечить градоначальнику, да и вообще его ли это дело – что-то говорить таким великим людям, особенно когда они тебя и не спрашивают… Наконец Милютин дошел до долгожданной сути – до дальнейшей судьбы подростка.

– Так вот наше с Василием тебе пока такое будет предложение – на днях поедешь с сыном моим в Тотьму, а далее будете вместе через Великий Устюг и Котлас экспедицию по Сухоне и Северной Двине править для расширения нашего пароходного дела аж до самого Архангельска. Думаю, что как раз в годик-другой Василий там все справно сладит, чтобы не только по Мариинской системе на запад и на юг, но и на восток с севером наши товары беспрепятственно шли и конкуренты разные нам помех там не чинили. Твоя роль пока будет ученическая – у сына моего поработаешь в подмастерьях, значит, в качестве денщика и вестового, а там, глядишь, опыта поднаберешься в наших делах негоциантских и, как это в армии называется, станешь адъютантом, пароходным токо… Знаю, Василий тебя не обидит – через год, максимум два вернешься для доучивания в училище в Череповец, и с опытом, и с деньгами будешь. Я, как обещал, поспособствую. Ну, что думаешь? Годится тебе такая практика? Даю срока десять дён, чтобы с родителями проститься, да вот возьми червонец авансовых денег на подъем (в руках головы откуда-то появились два бумажных кредитных пятирублевых билета образца 1898 года с надменной царицей, восседающей на троне) – приоденься в городе получше. Все-таки по твоему внешнему виду люди будут думать и обо мне. А иначе скажут: «Что это у Ивана Андреевича Милютина за оборванцы по срочным поручениям работают?» Да, вот еще что – до Вологды наверняка вы поедете на поезде. Знаю, что вещь тебе пока диковинная, дорогу только-только как мы запустили с первого октября, – потому не загордись, что среди первых пассажиров ее будешь. Ну а мне эта дорога железная как бальзам теперь на душу – не зря я за нее бился столько лет головой об стену, теперь город наш заживет, забогатеет на торговом пути из Петербурга в Урал да в Сибирь.

Иван, готовый закричать от радости за такое невероятное предложение, начал горячо благодарить благодетелей, представляя уже, как прямо сейчас возвернется к отцу и как тот будет рад за него безмерно. А потом они поедут наконец к мамке домой в их Сельцы, и как там все его односельчане, познав эту нежданную весть, начнут приходить к ним, чтобы выразить свои поздравления и почтение и, может, даже начнут обращаться к Ваньке уважительно по имени-отчеству: «Иван Васильевич»! Ах, хитер же был папаня, взяв его к Верещагину, рассчитывал небось, что тот выпишет рекомендацию для сына-подростка. Но такую, чтобы вдруг

к самому городскому голове Милютину! – даже, конечно, он вообразить не мог. Это как раз – и нашел тысячу рублей золотом!

Манифест 17 октября 1905 года – в итоге: спустили или поддали пару?

Иван, слушая слова господина Милютина про бузу и смуту, и подумать тогда не мог, что через несколько дней в Череповце это все придется увидеть воочию. И плеснет керосина на эти тлеющие угольки народного недовольства и усталости не кто иной, как сам Император Всероссийский…

Собственно, и сам голова Иван Андреевич спич свой говорил тогда с большой внутренней надеждой, что до кризисных явлений в его тихом уездном городке революция никогда не дозреет. Однако же дозрела, занялась от просочившейся в город вести о подписании Николаем Вторым судьбоносного манифеста об «усовершенствовании государственного порядка», в котором провозглашались гражданские свободы, расширялись избирательные права и давались законодательные права Государственной думе. Новый председатель Совета министров граф С. Ю. Витте позже признавал, что *«манифест всех ошеломил. Такого крупного шага в стране не ожидали, все почувствовали, что произошел вдруг „перелом“, причем не только духа, а и самой плоти…»* Российское прогрессивное общество добивалось чего-то подобного начиная еще со времен декабристов. Однако многие либерально настроенные люди видели в дарованных свободах только начало, а не финал преобразований. Потеряв веру в самодержавие, они ждали теперь не просто смену режима государственной власти, но и падение высших носителей прежней власти, включая самодержца.

Сам факт обещания и провозглашения свобод не только в столицах, но и на периферии всколыхнул общество, инициировав столкновения народных масс с полицией: «*неделя после манифеста 17 октября останется одним из самых сложных и поучительных моментов русской истории*».

Документально известно, что 18 октября в 4 часа дня Череповецким городским головой Милютиным была получена соответствующая телеграмма из Петербурга, а в 7 часов вечера было назначено экстренное собрание в городской управе, куда были приглашены все гласные. Однако вместе с ними пришло множество и посторонней публики, включая мещанина Илью Чумакова с большой группой воспитанников от разных учебных заведений города. После публичного зачитывания телеграммы городским головой Милютиным И. А. было предложено отслужить благодарственный молебен с многолетием государю. Несмотря на всеобщее одобрение этого решения, господином Чумаковым были прилюдно заявлены оскорбительные выражения по отношению к императору. Пришедшая с ним молодежь его поддержала, требуя молебна о здравии «тех товарищей, кто пострадал в борьбе против самодержавия».

К этому времени у здания управы начали массово собираться воспитанники Череповецкого реального училища, Александровского технического и других учебных заведений. Большая шумящая толпа всегда притягивает и случайных прохожих-зевак, одним из которых в тот день случайно оказался досрочно приехавший в город за покупками Иван Ропаков.

Пробыв после возвращения от Милютиных в кругу семьи не более трех дней, насытившись в своей деревне славой успешного и уважаемого человека, он с нетерпением начал ждать и всячески ускорять новую поездку в город. Сельская жизнь, такая любимая ранее, уже претила ему. Друзья, родители, сестры и брат уже не держали его своими ослабевшими узами. Парень теперь в глубоком эмоциональном возбуждении грезил новыми горизонтами, мечтал о дальних поездках, о городской жизни и ее заманчивых возможностях. Уговорив родителей на время отпустить его для обновления гардероба, на который ему была ссужена работодате-

лем немалая сумма (половину он, правда, тут же отдал в семейный общак), Иван на рассвете 18 октября 1905 года пешком ушел навстречу новой жизни в город, на постой в квартиру все к тому же Федору.

К моменту выхода из управы Чумакова с группой поддержки на площади уже скопилось не менее двух сотен сочувствующих, у многих из них были в руках яркие красные флаги. Чумаков, обрадовавшись такой широкой поддержке масс, возглавил толпу, которая с дружным пением революционных песен двинулась в сторону городской тюрьмы. В этой толпе Ивана притерло к одной боевой девчонке лет двенадцати, которая шла рука об руку со взрослым парнем, размахивавшим красным флагом. Люди пели явно провокационные для власти песни, но Ваня их раньше в деревне не слышал и потому не знал. Девочка повернулась в его сторону: «Ты чего не поешь?» Иван в ответ пожал плечами. «Деревня?! – засмеялась девчушка. – Как тебя звать? Ванькой? Будешь тезкой нашему бате. Я Наталка, а это мой старший брат Дмитрий из технического училища! Айда с нами выручать нашего тятю из тюрьмы! Он как раз политический! Свободу политическим заключенным! Ура! Долой!»

У здания тюрьмы пришедшие демонстранты пробыли недолго. Некоторые арестанты, услышав крики и песни, порвали на себе кумачовые рубахи и в виде флагов выставили их из окон. Невероятно, но про манифест, телеграмму о котором Милютин самолично зачитал всего час назад, в тюрьме уже все знали! На улицу спускалась ночь, поэтому первому же исправнику удалось достаточно легко в этот день уговорить людей разойтись по домам.

Иван теперь как веревочка ходил за своими новыми знакомцами, тем более мимоходом выяснилось, что у них такая же, как и у него самого, редкая фамилия – Ропаковы. Почти что родственники. А может, даже и дальние? Семья эта раньше проживала в Белозерске (вроде, согласно семейным легендам, и предок Ивана некто Ропак тоже пришел в старые времена на Череповетчину с того самого Белого озера).

Случилось так, что в 1902 году скоропостижно умерла их мать, и это подтолкнуло отца Натальи и Дмитрия выправить на семью паспортную книжку, дабы переехать жить в новое, более индустриальное место. Как раз в Череповце и окрестностях тогда началась большая стройка железной дороги из Петербурга до Вологды. Отец семейства был хорошим мастеровым по плотницкому делу, его туда сразу же взяли десятником. Работал он на строительстве дороги потом и каменщиком – строил здание вокзала, а затем и железнодорожное депо. Среди рабочих слыл активным борцом за их и больше даже за свои права. Кто-то месяц назад донес жандармам на «рабочего-социалиста», вот его без особых обвинений и засадили за решетку «до выяснения»… Ни в каких партиях отец знакомых ребят никогда не состоял и даже всегда чурался их агитаторов – просто по своей натуре не мог мириться с постоянными обманами, незаконными штрафами и другими явными несправедливостями приказчиков и учетчиков.

Дети отца своего не просто любили, а обожали, он для них после смерти матери стал непререкаемым авторитетом и лучшим другом. Заработки родителя в 25—30 рублей в месяц тем не менее позволяли жить в Череповце достаточно сносно – дети учились, причем смышленый Дмитрий смог попасть в престижное Александровское техническое училище (в которое как раз И. А. Милютин и обещал со временем устроить Ивана). Когда же отца неожиданно посадили, сын и дочь сами превратились в ярых противников самодержавия, у них на съемной городской квартире постоянно зависали юные революционеры, здесь они изготовляли флаги, писали от руки прокламации, пели песни и пересказывали друг другу разные революционные теории. Вот и сейчас, вместо того чтобы идти на ночлег к своему дальнему родственнику, проводивший было новых знакомцев до их дома Иван в результате завис в гостях и ночевал там же у них (пустующая кровать отца как раз была в его полном распоряжении).

Кроме их троих, в той компашке оказался еще один взрослый 16-летний парень из технического училища – Павел, который одновременно был не только однокашником и лучшим другом брата Натальи Дмитрия, но и ко всему еще их соседом по съемному жилью (кварти-

ровал в соседней комнате). Небольшой одноэтажный с мансардой дом в районе Криули принадлежал мещанину Захарову, который при всем том сам жил где-то рядом в другом, менее притязательном жилье, но строго следил, чтобы его дом для сдачи с двумя меблированными комнатами и удобствами во дворе соответствовал уровню запросов даже господского сословия.

Несмотря на то что верзила Павел слыл таким же приверженцем свобод и ходил сегодня вместе со всеми на демонстрацию к тюрьме, пел со всеми песни и кричал там, как босяк, матерные лозунги, Наталка прошептала своему новому гостю на ухо, чтобы тот с ним «не особо откровенничал…», так как сосед этот из самого что ни на есть дворянского семени, а у его отца где-то рядом с Малечкино даже есть настоящее поместье. Иван еще на то подумал: «Уж не помещика ли Ломова это сыночек? Сколько они всей деревней набатрачили там на его полях и скотном дворе. Но этого долговязого парня что-то не припомню, хотя в самой усадьбе бывать случалось».

Однако, как выяснилось, Павел тот был крайне приятен по своей натуре – располагал к себе не только на словах, но и на деле. Так, как только у соседей после ареста отца начали заканчиваться деньги, он стал им усердно ненавязчиво помогать, покупая на всех продукты, вино, и даже твердо пообещал, что оплатит до конца года Дмитрию квартиру – просто придется сказать тогда отцу, что это он сам стал снимать освободившуюся у хозяина вторую комнату для удобства и солидности…

На другой день часов в двенадцать из Александровского училища вышла толпа учеников, человек в сто пятьдесят, преимущественно живущих здесь же, в самом училище (училище и общежитие, кстати, располагались в непосредственной близости от дома Милютина, на берегу Шексны). Шествие двинулось по направлению к другому реальному училищу, где толпа практически удвоилась, далее все вместе они прошли через Мариинскую женскую гимназию и городское трехклассное училище к учительской семинарии, из которой к ним присоединилось еще несколько десятков воспитанников. Обойдя все городские средние учебные заведения, демонстрация численностью за полтысячи буйной молодежи с флагами и пением опять двинулась к тюрьме. Иван снова за компанию с новыми друзьями шел здесь, уже подпевая некоторым заученным за ночь песням. Ему было даже невдомек, что если его вдруг тут засечет кто-то от Милютина, кончится тогда и вся его еще не начавшаяся блестящая карьера…

У тюрьмы опять все дружно бузили, причем возбуждение среди самих политических арестантов дошло до предела, они кричали требования о своем немедленном освобождении. Присланный городским головой для разбора дела прокурор Череповецкого окружного суда Тлустовский категорически в этих требованиях отказал и даже надзирателям велел перевести митингующих арестантов из верхних этажей в нижние, дабы лишить их возможности к переговорам с демонстрантами.

Снова толпа через некоторое время безрезультатно отошла от здания тюрьмы и тогда уже начала безобразничать в самом городе. Так, у церкви Благовещения люди потребовали от священника впустить их внутрь и чтобы тот отслужил им панихиду по убиенным 9 января в Санкт-Петербурге, а также затем потребовали от священнослужителя прохода на колокольню. Разумеется, священник Триритатов во всем этом им отказал. Тогда был вывернут фонарный столб, коим демонстранты собирались взломать дверь на колокольню.

К счастью, благоразумие взяло верх – напуганные такой дерзостью девушки-гимназистки отговорили парней, и все снова пошли дальше по главной улице города. По дороге этой многолюдной толпы горожане вынуждены были закрывать свои лавки и магазины, что вызвало недовольство других горожан, а особо окрестных крестьян, специально приехавших в город за покупками либо же даже с товарами для продажи. Одновременно из-за перекрытия городских улиц остановилась отгрузка и перевозка грузов с пароходной пристани на железную дорогу.

Дойдя до центрального Воскресенского собора, демонстранты вошли внутрь (двери были не заперты, так как в это время шла уборка церкви) и стали требовать у протоиерея отслужить панихиду по павшим от самодержавия. Настоятель собора в ответ предложил отслужить царский молебен, но вошедшие с ним не согласились и сами пропели «Вечную память», после чего направились повторно в сторону тюрьмы. С третьей попытки толпа дозрела до решительности, что применит там силу в деле освобождения заключенных товарищей.

Одновременно в городе начали организовываться и противные силы: недовольные беспорядками и помехами в работе ломовики из окрестных крестьян стали собираться группами в два-три десятка человек, к ним примкнули специально пришедшие в город крестьяне с явными намерениями разогнать «бунтовщиков-молокососов». Полиция, которая ввиду малочисленности, доселе только наблюдала за происходящим, предвидя братоубийство с обоих сторон, все же частично предупредила эти столкновения.

Однако, когда толпа демонстрантов немного поостыла и снова отошла от тюрьмы, при этом начала вынуждено разбиваться на отдельные группы, несколько столкновений у них с крестьянами все же произошло. Пострадало не менее десяти человек, включая и случайных прохожих. Документально обозначено в качестве наиболее пострадавшего имя воинского писаря Савинова, который сам был к происходящему непричастен, но ему один из воспитанников технического училища нанес рану ножом в область живота (к счастью, ранение не было смертельным). Среди пострадавших были также и сами демонстранты: учитель реального училища Гурьянов, пара реалистов, одна гимназистка, двое рабочих паровозного депо. К пяти часам дня порядок в городе удалось восстановить.

Однако в семь вечера в Народном доме города Череповца состоялась сходка учащихся, на которой было намечено назавтра снова собраться и опять идти освобождать политических арестантов. На этой сходке у демонстрантов прорезался новый лидер – еврей-реалист Абезгауз. Видимо, не без его агитаций и участия ночью в городе произошел погром квартиры инспектора реального училища, в некоторых домах также люди из толпы били стекла, разбивали уличные лампы. Одновременно ночью полиция задержала бывшего воспитанника технического училища Утенкова, который после отчисления служил при магазине Зингера. По показаниям очевидцев было установлено, что это именно он ранил писаря Савинова ножом.

Слухи о беспорядках, произведенных накануне толпой разбушевавшихся учащихся, распространились по окрестным деревням, и утром 20 числа в город добровольно пришло много возбужденных крестьян, вооруженных кистенями, дубинами, а некоторые, по свидетельству штаб-ротмистра Отдельного корпуса жандармов Тизенгаузена, даже револьверами (не померещилось ли такое ротмистру?). Все они жаждали поквитаться с бунтовщиками. В этот день благодаря тому, что учащиеся, устрашенные разгневанными крестьянами, сами удерживались от любых вызывающих действий, столкновения были полностью упреждены полицией.

Вечером снова в Народном доме проводилась массовая сходка учащихся и городской интеллигенции. Опять большинством голосов было принято решение о насильственном освобождении из тюрьмы политических заключенных (но в этот раз многие предлагали больше не провоцировать горожан своими действиями, потому наблюдалось серьезное расхождение во мнениях).

Ночь прошла спокойно, впрочем, как и весь последующий день 21-го. Илья Чумаков в эту ночь из города скрылся, а за другими выявленными организаторами сходок: присяжным поверенным Спасокукотским, крестьянином Платоновым и еще несколькими реалистами, включая Абезгауза, – полицией было установлено тщательное наблюдение. Кажется, наступало умиротворение, но власти города притом понимали, что по-прежнему достаточно кому-то бросить спичку, чтобы порох взорвался.

Тем временем городская власть в лице градоначальника И. А. Милютина проводила по телеграфу со столичными ведомствами постоянные консультации с целью разрешения сло-

жившейся ситуации мирным способом. Разумеется, аналогичным образом бурлил не только город Череповец, но и большинство других городов в России. Видимо, стремясь снять напряжение в народе, возникшее после издания манифеста 17 октября, и не доводить до серьезного кризиса, 22 числа, согласно телеграмме прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты, рано утром все политические арестованные, за исключением одной дамы по имени Вера Тихонова (которой вменялась уголовная статья), были освобождены.

В этот же день состоявшаяся в Народном доме очередная сходка приобрела более радикальный характер: на ней присутствовали почти все освобожденные политические заключенные (включая выпущенного из тюрьмы десятника Ивана, отца Дмитрия и Наталки), а также радикально настроенная городская «чернь», включая даже часть распропагандированных вооруженных крестьян. В итоге в два часа дня образовалась новая толпа численностью в 500 человек, которая делегировала на квартиру к прокурору Тлустовскому депутатскую группу из нескольких достаточно уважаемых в городе обывателей (учителей и крестьян), решительно потребовавших срочного освобождения Веры Тихоновой.

В три часа дня другая группа депутатов в составе аптекаря, агронома, земского ветеринарного врача и других известных представителей городской интеллигенции пришла и к самому городскому голове И. А. Милютину. Фактически обоим были представлены ультимативные заявления народного собрания, гласящие, что «отказ от освобождения В. Тихоновой вызовет немедленные ужасные последствия лично для прокурора и разгром тюрьмы». Потому в четыре часа Милютин был вынужден лично встретиться с прокурором и надлежащим образом попросить того уступить этому требованию. Городской голова не сомневался уже, что в этот раз, когда оглупленные провокаторами учащиеся отошли на второй план, а с требованием и во главе движения начали выступать реальные представители города, угрозы, несомненно, будут приведены в исполнение. В шесть часов Вера Тихонова была наконец освобождена.

Ответным требованием городской власти к протестующим было взятие на себя обязательств по недопущению на городские сходки в Народном доме воспитанников средних учебных заведений города, а сами сходки должны были отныне проводиться по оговоренным сторонами правилам. И хотя в следующую ночь на 23 октября в Народном доме опять состоялась крупная сходка с участием учащихся, на ней уже звучали призывные речи о начале мирной работы в городе и о соблюдении порядка.

24 октября во всех учебных заведениях Череповца возобновились уроки, в городе больше ничего не напоминало о прошедших днях «революции».

В отличие от большинства периферийных городов, где замирение народа с властями осенью 1905 года проходило по похожим сценариям, в ряде крупных городов (Москве, Харькове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону) противостояние к декабрю все же дошло до некоторой точки кипения, вплоть до баррикад и вооруженных восстаний, местами сочетавшихся с еврейскими погромами. Но все они в скором времени были жестоко властью подавлены.

Размышления автора на эту тему: Первую русскую революцию 1905—1907 гг. историки часто представляют (в зависимости от текущей политической конъюнктуры) либо как вызревание у народа справедливого гнева на свое ухудшающееся экономическое положение, либо прямым отголоском на позорное поражение в русско-японской войне и при этом явной несостоятельности правящей верхушки, либо же прямым следствием негодования народных масс на резонансный расстрел в Кровавое воскресенье в Петербурге (более сотни убитых и трех сотен раненых демонстрантов).

Другими же биографами революции считается, что страна и ее экономика в это время процветали, а произошедшая смута – лишь следствие провокационных действий безответственных либерально настроенных слоев общества, доведших страну до экстремизма и общенационального вооруженного террора.

Террор стал визитной карточкой революций в России XX века (причем с массовыми проявлениями социально-классовой нетерпимости с обеих сторон – как от радикальной оппозиции, так и со стороны самой власти). За первые десять лет XX века с участием революционеров было убито и ранено 17 тысяч человек, включая девять тысяч погибших в ходе самой революции 1905—1907 гг. Среди наиболее популярных жертв революционного террора – губернаторы, полицмейстеры, уездные начальники и исправники, жандармы, генералы и офицеры армии, надзиратели, городовые, помещики, фабриканты. После кровавого покушения в 1906 году на премьер-министра П. А. Столыпина правительство ответило своим массовым террором – введением военно-полевых судов (официально было казнено 1139 человек).

Не напрасными ли были эти жертвы? Время скоро показало, что ни властью, ни самим народом до конца выученные уроки так и не были учтены, полученный иммунитет в дальнейшем не сработал. Тем не менее польза от очередного перерождения для развития страны была колоссальной – прежде всего глубокий экономический кризис вплоть до начала Первой мировой войны в России явно удалось преодолеть.

Но там случилась новая беда, новые грабли…

Реформы 1905 года, хоть и были дадены самодержавием под дулом револьвера, но они были давно востребованы. Народ наконец узнал основы демократии, худо-бедно заработала выборная система, ослабла цензура, ограничили власть земских начальников, в стране появились профсоюзы, легальные политические партии, улучшилась жизнь рабочего класса, национальных меньшинств, крестьянам даровали отмену выкупных платежей на землю и де-юре предоставили свободу передвижения. Указанные преобразования сильно запоздали, гангрену лечить сложнее, чем ее симптомы. Однако редко какая самодержавная абсолютная власть и редко какой тиран от нее отказывается впрок, пока ему не накостыляют его «любящие» и «преданные» подданные.

На самом деле, с точки зрения экономической подоплеки возникавших по всей Российской империи стачек и бунтов, их причину следует искать в материальном базисе, а именно – в перепроизводстве во второй половине XIX века крестьянского народонаселения (доля которого составляла в стране более ¾), ставшего заметно обгонять рост урожайности своих наделов. Этот дисбаланс, а также искусственно заторможенное социально-экономическое освобождение от крепостного права привели, с одной стороны, к исходу масс крестьян в города и к бурному росту промышленности, а с другой – к заметному ухудшению положения самого оседлого земледельческого населения. Права крестьянских общин чередовать и уменьшать (помните: «малоземелье») земельные наделы (которые не были жестко закреплены за семьями селян) резко тормозили мотивацию по их рациональному и бережному использованию. В этой связи главным лозунгом российского крестьянства в Первой русской революции стало требование перераспределения земли не только из помещичьих наделов, но и из паевых земель крестьянских общин в частное их владение.

Хлеб, на выращивании и торговле которым Российская империя строила основу своего процветания в XIX веке, к началу века двадцатого на мировом рынке начал заметно дешеветь из-за его перепроизводства в Америке, где технологические мотивации у фермерства были как раз на подъеме. Выход из назревшего кризиса в России был объективно найден в стремительном подъеме ее промышленности, а взять деньги на эти гигантские материальные затраты правительство могло только из кармана крестьянства, что и вызывало его обеднение такими же высокими темпами (нечто подобное потом повторится при сталинской коллективизации и индустриализации, а также в период хрущевской оттепели). Всегда затюканный вла-

стью натуральный сектор (крестьянство) в указанные периоды выполнял роль бездонной дойной коровы, но иногда и его от этого беспредела переполняло…

В дополнение ко всему сказанному еще и традиционные российские беды: технологическое отставание по всем отраслям, тотальное ограничение гражданских и экономических свобод населения, запредельный уровень коррупции, бюрократизации и халатности в институтах государственного управления. Стихийно возникающие в обществе отдельные яркие инициативы и ростки самоуправления не то чтобы в корне отторгались (выше автором показана даже их системная поддержка на разных уровнях власти на примерах развития молочного производства Н. В. Верещагиным, а также подъема ряда отраслей и самого городского хозяйства города Череповца под предводительством И. А. Милютина), но требовали недюжей пробивной силы, которой далеко не все подвижники и патриоты России обладали тогда, впрочем, как и сейчас.

Экономика страны для устойчивого подъема должна быть не просто свободна от пут снизу, но и заботливо поливаться и сдабриваться сверху. Первому мешает отсутствие инициатив и конкуренции из-за бюрократизации и коррупции чиновников, а второму – проблемы самодержавной ментальности, избегающей гласности и общественного контроля за государственными деяниями и бюджетом. Века проходят, а старые проблемы остаются…

Глава 2. «Тихой» год, а за ним опять «тихой…»

Кому работа, кому ссылка. В Тотьме (1905—1909 гг.)

Служба Ивана в Тотьме подзатянулась… Рассчитывал, когда нанимался, на годик-другой, а вот уж и четвертый к концу подходит. Недавно в июне справил свое 17-летие. Осемнадцатый год пошел, не шутка! Целая вечность прожита…

Тотьма – городок приятный, церквей красивых много, и все разные. Некоторые очень оригинального вида – сказывают, что это «стиль тотемского барокко» называется. Сильно красив расположенный в самом парадном месте на высоком берегу Сухоны Богоявленский собор и рядом с ним в комплексе Казанская церковь с колокольней, а еще необыкновенно выглядит уголок города, где вместе выстроены барочная церковь Параскевы Пятницы, да с ней еще церкви Рождества Христова и Входоиерусалимская. Но главный красавец этой местности – конечно, белокаменный Спасо-Суморин монастырь, выделяется в поле как отдельный сказочный город со своими храмами и высокими стенами. А еще неплоха Сретенская церковь, что рядом со зданием городской управы. В общем, церквей тут хороших – считать не пересчитать. Не жалели тут местные купцы средств на храмы – видимо, много нагрешили, что столько красоты за свои грехи потом выстроили.

Берег реки Сухоны в городе такой же высокий, как и в Череповце, да только обустроен одними деревянными лестницами и практически голый, без леса, значит. Потому не такой красивый, как у нас дома. Дома больше деревянные, в один, реже в два этажа. Если бы не столько храмов, то самое бы походящее ему название было – большая деревня. Особенно красив город в начале лета, да чтоб вид был с самой реки, как он выглядит при подходе с парохода.

Сами они с хозяином поселились, почитай, в главной части города – на Торговой улице. Квартира у них в два этажа. Барин, конечно, обосновался в спальне наверху, там же и гостиная, и кабинет его. А вот Ване досталось с кухаркой делить нижний подсобный этаж. Но зато у него есть своя каморка под лестницей. Удобно – сам себе хозяин в ней. Там же еще рядом и кухня с прихожей. Сначала они месяц жили в городской Северной гостинице, а потом уже Милютин арендовал на постоянной основе себе эту квартиру. Ванька, конечно, при нем. Как хвостик, и по городу, и в конторе под боком.

Казалось бы, большой разницы нет, где парню жить: и Череповец, и Тотьма – небольшие тихие провинциальные города на торговых реках. Там Шексна, здесь Сухона. В обоих городках жители в основном занимаются обслуживанием судоходства да лесным промыслом. Есть какое-никакое промышленное производство, а еще оба города известны в крае своими продвинутыми учебными заведениями. В Тотьме это и учительская семинария, и женская гимназия, и громадная каменная трехэтажная Петровская ремесленная школа.

В Череповце, правда, теперь есть еще и железная дорога. Идет прямиком из самого Санкт-Петербурга. О такой в Тотьме пока только мечтают, да слухи ходят: будет ли, не будет, да скоро ли… А еще там, на череповецкой малой родине, вся его родня деревенская в Сельцах осталась. По ним парень дюже скучает, особенно по сестричкам-хитрюгам. Часто почему-то вспоминается и городская новая знакомая Наталка, его однофамилица, а может, даже и дальняя родственница. Знакомство было уж больно мимолетное, да память – странная вещь… Что ни сделает теперь по жизни замечательного или в горькие минуты тоски – все она перед глазами стоит, улыбается озорными глазками.

Кстати, здесь, в Тотьме, тоже нашелся один уважаемый господин, который при знакомстве с ним крайне заинтересовался фамилией Ивана. Сказался, что и он тоже из тех самых Ропаков, чьи предки жили на Белом озере. Вот и странно: у Ивана в семье предание есть, что их

прапрапрадед родом был с тех мест, а еще однофамильная семья Наталки недавно оттуда переселилась в Череповец, ну и сам купец этот тотемский, получается, такой же выходец из их белозерского рода-племени. Купец интересно про своих рассказывал, да, конечно, не ему самому, Ваньке, а хозяину, равному ему по чину – Василию Милютину.

Оказывается, корабелы тотемские всегда были на Руси наипервейшими, а потому они-то на восток через всю Сибирь в прошлом по рекам и волокам пути и прокладывали. Добирались аж до Байкала-озера, недалече от которого на реке Ангаре тотемцы и основали город Иркутск. А потом еще век за веком по налаженным торговым дорогам они дальше до океана чукотского хаживали и сам этот океан бурный (хотя его почему-то Тихим кличут) тоже на кочах пересекали, били каланов аж в самой Америке! Так вот, доподлинно известно, что прадед по женской линии того нового знакомца по имени Иван Кусков в Америке как раз русский город Форт Росс и построил для защиты от аборигенов местных и для ведения промысла морского зверя. Ну а уж к зрелым своим годам он в отставку вышел, управление городом сдал да и обратно в Тотьму вернулся в 1823 году. Да не один, а вместе с индеанской женой, и та дева ему уже в Тотьме потомство принесла. Получается, что купец этот не только дальний родственник их белозерских предков, но еще и потомок индейцев самых настоящих, про которых разные приключения в книгах писаны. Вот такие дела!

Ну а дальше прежний наш царь Александр Николаевич все те земли заокеанские: и Аляску, и Алеуты, да и Калифорнию – разным американцам с мексиканцами возьми и продай! Земля российская велика, конечно, и без того, да вот с Америкой бы интереснее было! Иван тогда набрался смелости и поинтересовался: почему продали-то? В ответ Василий Иванович первым нашелся: «А каланов всех перебили, вот там русскому промышленнику и нечего стало делать. Край – обуза! А то, что область та золотом неимоверно богата, на котором потом вся их Америка и поднялась, – так кто ж знал тогда? Это, видимо, такая наша родовая печать русского промысла и русской же политики: сначала сдуру, не подумавши, делать, а потом, одумавшись, искать тому объяснения…»

Сам Иван за прошедшие три года на пароходах с Василием Ивановичем тоже по Сухоне много хаживал по купеческой надобности. Были неоднократно в Вологде, в Устюге, да и в самом Архангельске на Двине. А один раз в прошлом году господин Милютин взял его даже с собой на Соловецкий остров, что в Белом море. Вот уж где красота необычайная повстречалась! Что там говорить, впервой по морю шли, да острова разные много им по пути встречались. Какое там у хозяина дело тогда было в монастырских землях, парень так и не усек, а может, просто так, за компанию с паломниками, решил Василий Иванович в святое место по личной причине поехать. В 1907 году весть печальная к ним пришла из Череповца о смерти батюшки родимого хозяина – городского головы Ивана Андреевича. Тогда хозяин один, без него, ездил на похороны Милютина, да говорил, что так и не успел к отпеванию. Возможно, в Соловках-то он и хотел прощение сыновье за то у господа отмолить, да еще и за упокой отца дары монастырю вез. Больно уж эти Милютины богобоязненные всегда были…

А еще в том же годе сначала из газеты, а потом и из письма от отца своего пришла Ивану другая печальная весть – о кончине в Пертовке Николая Васильевича Верещагина. Да еще за год до тех событий в Сельцах семья его схоронила и любимого, но сурового деда Ивана. Вот так получается, они все, его учителя и наставники по жизни, враз, один за другим, и ушли в иной светлый мир. Отец только и жив, слава богу! Один раз он даже своим ходом с братом Николаем наведывался к «блудному» сыну в Тотьму – увидел, что с парнем здесь все в порядке, живет в достатке, обрадовался и со спокойной совестью возвернулся к своему семейству в Сельцы. А самого-то Ваньку хозяин за все то время, что он в Тотьме в услужении у него, так до дома ни разу и не отпустил на побывку, даже в нерабочий зимний период. Что уж говорить про обещанную ранее учебу в Александровском училище на механика. Правда, не отказывал, а все обещал только, что «потом» да «вот уже скоро…» Хотя сам-то хозяин

Василий в Череповец за те годы много раз отъезжал, и даже надолго, а его вот, мальчишку зеленого, здесь следить за делами пароходства оставлял, будто Иван что ни на есть его приказчик, а не простой посыльный и в доме служка.

Нет, купец Василий Иванович человек, с одной стороны, и шибко деловой, и, когда надо, отчаянно смелый, а еще взаправду совестливый. Когда заметил, как ему Ванька в деле важен стал, платить начал аж по 60 рублей в месяц! Притом так и сказал: «Вот тебе, Ванюха, достойное жалование, равно как у поручика в армии – только, пожалуйста, не воруй и не ври, а то прибью, да так, что и мокрого места не останется!»

Все бы ничего, только когда сильно затоскует хозяин по дому да по жинке, по дитяткам и внукам своим уже народившимся, да начнет оттого пить горькую – такого безобразия от него наслушаешься! Всех подозревает, всех ненавидит, никому не верит, все вокруг него враги да подлые людишки! Ну, и про самого Ваньку тоже в таком роде часто орет: «Подлая тварь, нищета голозадая, небось только и ждешь, чтобы господ благородного сословия сдушегубить! Да спалить богатство-то наше, трудами нажитое! Морда революционная, со ссыльными якшаешься! Прокламации с ними пишете! Пошел вон! Стой! Давай еще за смирновской лихо сбегай!» И вдогонку опять: «Чертина! Холуй! Свинья!»

Какое счастье – давеча тот уснул, храпит как хряк в своей комнате. Ванька заглянул туда: все ли в порядке? Сапоги с хозяина стянул, ноги на кровать забросил, подушку под голову всунул – пускай себе пузыри пускает, мямли свои жует… Потому теперь можно немного и почитать у себя в коморке при свече да повспоминать свои былые путешествия.

В поездках

Отдельные факты в повествовании заимствованы автором из рукописи тотемского крестьянина Замараева А. А.

Вспоминать – это значит про себя рассказать воображаемой Наталке: как оно там все с ним было. Вот про последнюю недавнюю поездку в Архангельск:

Второго июня был мой семнадцатый день рождения, а уже на следующий день сели мы с барином на пристани в колесный пароход «Гоголь». Он, как всегда, расположился с комфортом в первом классе, а я среди пассажиров третьего класса на самом дне корабля. У него, значит, каюта отдельная, с личным стюардом и с богатыми угощениями. У меня же в трюмной каюте, понятно, людей как соленых огурцов в кадке. Да я все больше на палубе подле его же каюты слоняюсь – вдруг звать начнет по делу, надо быть на стреме. Из интересного на реке в этот раз видел моторную лодку, пробежала мимо нас очень шибко – только мы ее и видели. Вот такие чудеса теперь есть: не только суда под паром, которые как паровоз ходят, но и иной мотор керосиновый для лодок изобретен. Не у нас, конечно, с Европы или с Америки привезена та машина диковинная. Прямо автомобиль речной.

Идем по реке, колесами крутим, да еще вниз – течение нам помогает. Прошли пристань Брусинец, обогнали там знакомый пароходик «Зосиму». Чаек над рекой много видели. Вечер погожий, теплый. Луна полная светит нам дорожку по реке. Берега слева крутые, лесистые, завораживающие. После села Березовая Слободка ширина реки уменьшилась до полуста сажень. Потому места еще красивше стали, берега же местами вырастают как скала. Особенно впечатляет в сумраке, хотя темнеет в эту пору совсем за полночь. Ночи-то белые!

Пароход здесь идет строго фарватером. Вообще, мелей летом много бывает, местами приходится лот или шест спускать – замерять глубину под килем. После полуночи прошли селение Опоки, и я ушел спать вниз. Нашел там куда приткнуться. В одном месте баба пьяная матом ругается, вот с ней никто и не хочет рядом сидеть. Ничего, пусть ругается. Велика невидаль, когда я уставший – пусть хоть в ухо кричит. Правда, в итоге мне тоже это надоело – пришлось ее локтем в бок пихнуть и знаками так показать: мол, в кармане нож, а потому могу и ножом, если что… На мое счастье, она струхнула и скоро успокоилась.

Утром подошли к Устюгу, берега уже шибко ниже пошли. Там большая остановка была после 250 верст пути. Василий сразу же ушел куда-то по своему делу, меня с собой не взял. Потому я по привычке прогулялся в собор и к ризнице, где еще с прошлого раза заприметил резную по дереву картину апостолов и Христа с ними на сюжет тайной вечери. Все на месте. Тут в соборе посетители обычно тянутся к гробницам устюжских чудотворцев Прокопия и Иоана, а мне это ни к чему – потому поднялся живо на колокольню. Там разных колоколов более двух десятков есть, а большой колокол – вообще в тысячу пудов! Звонарь местный про то мне поведал. Виды на город с колокольни, я скажу, завораживают. Люблю я бывать в Устюге том: пристань изрядная, удобная, протяженная, в городе много торговли, а улицы – прямые, длинные и в большей части камнем мощеные. Все по-культурному и богато.

Вечером снова тронулись на пароходе в путь. Через несколько верст в реку Сухону влилась большая река Юг. В этом месте, знаешь, изрядно красиво. Да и далее тоже. Река становится много ширше. Прошли пристани Красавино, затем Приводино. В Красавино-то мы с Василием Ивановичем до того специально как-то ездили на бумагопрядильную и полотняную фабрики. Там Милютины у них оптом много чего скупают для перепродажи.

Через 300 верст от нашей Тотьмы еще большой город – Котлас. Выдающийся город! Отсюда река сильно больше пойдет – Двина! Здесь также много хлебной торговли, включая теперь и милютинские амбары. Видел хитрые приспособления для погрузки хлеба – через

клети прямо можно ссыпать зерно в трюмы барж, грузчики, получается, не нужны более. Далее еще была большая река Вычегда. Чем ниже по течению, тем река все более и более становится полноводной, а ширины аж до версты – не то что наша Сухона или Шексна.

Ну, моя жизнь в третьем классе тебе, Наталка, наверное, не шибко-то интересна будет. Народу там много, тесно, накурено. Сам-то я некурящий. Баловство это, только кашель дразнить. Когда люди в каюте не спят – многие чаевничают или читают. Ну, это те, что городские и грамотные. Когда со многими познакомишься, то можно тоже у них выпросить что-нибудь почитать. Но для того сперва нужно долго погутарить. Иначе никак. Если вдруг находится среди пассажиров гармонист – он тогда играет, конечно, другие же как могут пляшут. Всем весело, про тесноту да про другие неурядицы люди и не вспоминают тогда. Я-то сам не шибко танцевать приучен, но если песни затянут наши задушевные – оно, конечно, подпеваю.

На одной пристани видел табор цыган. Куда без них… Откуда этот народ? Перекати-поле. Говорят, с заморской Индии. Читал я про путешествие тверского купца Афанасия Никитина – вроде там ничего про них не было сказано…

На пристани Черевко всегда можно видеть готовых к отправке в ящиках больших поросят. Таких, что пудов по десять… Их только в этих местах ростют. Интересно, это порода такая или для того особая кормежка требуется? Надо будет Василия спытать. Он, если сам знает такое, то доволен будет меня поучить-то. Ну, а коли и сам не знает – просто выматерит. Но это мат добрый, без истерики.

На 375-й версте от Устюга идет впадение другой большой реки Ваги. У меня всегда с собой в дороге список с речной лоции имеется – потому весь путь я сравниваю то, что вижу, по нему. А многое вообще теперь на память знаю. Потому для пассажиров третьего класса я тоже, как и гармонисты, человек нужный – все знают про мою лоцию и потому идут с вопросами, что да где… На Двине в тех местах тоже шибко много мелей и островов, потому пароход обычно идет здесь медленно, матросы измеряют фарватер шестами с обоих бортов. Как только весь шест не уходит под воду – смотрим мели. Если сядем, потом самим без помощи не сойти.

На Сухони нашей от Тотьмы до Вологды это вообще беда. Бывает, летом в жаркий период вся навигация пароходная встает. А бывает так, что и до самой следующей весны некоторые пароходы, застрявшие на мелях, кукуют. Это вообще для них стремно. Вот недавно один застрявший пароход большой при ледоходе на Сухони побило льдом до того, что через день его и затопило. Главное тут – не прозевать начало ледяной сдвижки, чтобы вовремя потом отойти в безопасное место на реке и пропустить ледяной вал с торосами мимо. Когда же потом по реке одна шуга пойдет – считай, что спаслись. Бывает, в начале апреля та шуга еще идет вовсю, а первый пароход с Вологды уже навигацию начал. Но та упомянутая с пароходом авария, к счастью, не с нашей компанией приключилась. Василий наш бы такого ни в жизнь не допустил, хотя одно его судно тоже разок всю зиму в реке в ледяном плену куковало.

Значит, в Архангельске мы были 7 июня с утра. А выходили в поход, как я сказал, на следующий день после моего дня рождения – значит, 3-го. Всего в пути прошли 925 верст. В Архангельск теперь довелось сходить уже в третий раз. Город, из тех, что видели по пути, самый большой, много каменных зданий. Среди них даже в три этажа не редкость. Вся река напротив города – в пароходах, встретили там и пару своих, милютинских.

Василий ходил к ним на поверку, опять меня с собой не взял. Капитаны, значит, опять его в стельку пьяным напоили. Мне от хозяина были другие поручения – разнес письма по разным конторам, забрал от них в обратный путь счета и прочие бумаги. Те, что не были запечатаны, бегло просмотрел: неплохо у Милютиных торговля здесь идет. Но все больше их стал интересовать товар заморский, галантерейный. А я вот бы на месте моих благодетелей

подумал, чтобы рыбой начать промышлять. Она здесь шибко дешева, можно сказать, даром отдают. А отвези ее в ту же Тотьму, то там цены уже вдесятеро будут выше: сколько здесь пуд стоит, то там за такие деньги продашь всего-то пять фунтов. Цены наши тотемские можно сбить на раз. А сохранение товара – если мы масло возим, то рыбу-то и подавно. Ну, может, определенная часть и попортится, но все равно прибыль все расходы с гаком покроет.

На пристани архангельской увидел в этот раз знакомый уже мне пароходик «Вера». На нем мы в прошлом годе и ходили с паломниками на Соловки. Тут все таким образом устроено: если тебе в монастырь дорога, то сначала кучкуешься с богомольцами на Соловецком подворье. Коли лето, как сейчас, то народу всегда уйма будет. До двух недель можно сидеть и ждать очереди на корабль до монастыря соловецкого. Иногда, правда, приходит сразу два или три парохода, и тогда большая часть уплывает на них. Мы с барином плавали на Соловки уже в осень, потому желающих было меньше, и потом для таких, как Василий Милютин, вообще нет понятия «очередь». Он тут, почитай, какой-никакой, но хозяин. Может и на собственном пароходе в инспекции ходить, но считает, что это расточительно. У той нашей поездки были свои тяготы – потрепало нас в море тогда штормом нещадно… Мне-то ничего, а хозяина всего вывернуло от морской болезни. Он потом спрашивал меня: «Почему тебя-то качка не берет? Ты же не моряк!» – «Так я же Ропак! Это по-поморски „торос ледяной“ означает! Моя фамилия от этих самых поморов и идет, я точно знаю. Потому, значит, предки мои за свои века столько бурь пережили, что теперь никакая морская болезнь нам, Ропакам, еще долго не страшна!»

Честно говоря, я не того тогда боялся, что качка, а то, что «Вера» эта наша посудина хлипкая была, хоть и железный корпус, а размер совсем не впечатляющий. Корабль запросто могло волной вынести на скалы, так мне казалось тогда. Валы набегавших волн поднимались такие высокие, что суденышко падало меж них с полной потерей горизонта вокруг себя. Внизу в трюме на женщин особенно страшно было смотреть, загадили все места. У всех глаза отчаянные, можно сказать, на мокром месте, и только шепотом у бога спасения просят.

Море бушует, берегов ни в одну сторону не видать! Ветер холодный, промозглый. Вдали наблюдали плавающие льды. А потом пришел еще и туман глубокий. Идти в туман пароходу никак невозможно, потому заякорялись. На якоре в волну вообще жуткое дело, того и гляди что судно на борт положит. А я чем дальше, тем веселее, хожу по судну и только всех подбадриваю. Капитан парохода увидел это и велел мне помогать команде. Вот тут я вообще загордился. Здоровые мужики, как и бабы, все в трюме попадали, а меня их спасать призвали.

В итоге так и шли: то туман, то мели, то качка великая… 350 верст прошли от Архангельска за сутки с гаком. Монастырем, когда его увидели вдали за мысом, я прям залюбовался. Стены белые каменные, башни круглые, храмы писаные, колокольня – лепота! Так в старину, кажется, говаривали.

Пока мы были на острове, я жил вместе с барином в отдельном помещении в каменной трехэтажной гостинице «Преображенская». Он там подолгу молил свое покаяние, а я опять шнырял где надо и где не надо. Соборы обойти – это понятно, на колокольню двухъярусную влезть к колоколам опять же прицениться (большой на нижнем ярусе в 1140 пудов и еще несколько по 300—500 пудов, малых вообще не сосчитал). В Преображенском, самом старом соборе картины были: «Христос на Голгофе», «Укрощение бури» и еще какие-то. Хороши! Другие соборы: Троицкий и Успенский – не такие старые, но даже сами-то покрасивше первого будут.

Запомнились еще пробоины в стенах крепостных и на церквях от ядер англицких. Это когда давно война с турком на Черном море была, то англичане со своей эскадрой приходили экспедицией к Архангельску и к Соловкам. От монастырских провианту требовали. А им монахи кукиш показали, да еще и сами по кораблю стрельнули. Вот те со злобы и постре-

ляли много ядер в стены. Стены толщины громадной, даже не скажу сколько сажень – им те выстрелы как дробины по валунам.

Местные говорили, что англичане тогда на соседнем Заицком острове поживились-таки стадом баранов, а вот одинокий козел от них нагло скрылся – где, непонятно: остров маленький, безлесный. Искали его вороги долго, но так и не нашли. Ну а как уплыли их пароходы, он возьми и возвернись. Монахи на то его чуть ли не святым объявили, в забой не пустили. Зато все паломники, пока козел жив был, обязательно его навещали и мзду монахам оставляли за то.

Еще я много ходил в тот раз по окрестностям большого острова Соловецкого – на озера, коих немало и меж которыми монахи каналы проделали. Добирался пешком и до ближних скитов монашеских, на дачу там игуменскую забрел случайно однажды. Запомнился крутой подъем на Секерину гору, вид с нее сногсшибательный. Знали монахи, где себе райский терем соорудить! Прямо зависть за их там житие на том месте брала. Ощущение, что стоишь на облаке небесном и всю землю внизу наблюдаешь.

Питались мы в монастыре с Василием по-разному: то с братией в трапезной зале, то сами с самоваром сиживали в гостинице. Пробовал я там рыбу очень нежную, треска зовется – вкуснота необыкновенная! Жирная, прямо тает во рту. Смешаешь ее с клюквой да морошкой – объедение! Этих ягод в лесу да еще грибов в то время было – хоть косой коси. Никак не унесть.

Вернулись мы потом в Архангельск все на той же «Вере», но уже без шторма, без туманов и без приключений. Потому быстро. Теперь вот все это вспомнилось. Хорошая была та поездка, душевная. И Василий мой свои богоугодные дела справил. Он всю поездку тогда от Тотьмы и до обратного возвращения горькую не пил, а потому был вполне вменяем и даже сильно к себе меня располагал по дружбе. Иногда он очень даже хороший человек.

Сейчас вот не так было в последней поездке. И на пароходе хозяин много пил и куражился, а потом и в самом Архангельске на неделю целую уходил в запой. Тут куда ни кинь – все купцы, его партнеры. А для них тоже повод – Милютина «по чину» принять, чтобы обиды на архангельское гостеприимство не имел. Наконец, уже в середине июля возвратились мы благополучно в Тотьму с пересадкой в городе Котласе. Времени это заняло почти неделю.

Основная моя работа в дороге – следить за пьяным бариной: чтобы за борт не свалился и чтобы не скандалил с такими же благородными пассажирами, как и он сам. Других дел и поручений в поездках моих немного – все больше стандартные обязанности денщика-ординарца: сюртук да рубахи держать в порядке, сапоги начистить. Иное дело в самой Тотьме, когда мы в конторе пароходства. Здесь без меня уже никак. Сколько бы хозяин ни был в запоях или в отъездах – я там ключевая для всех фигура: пока капитанам и приказчикам не дам своего благословления от имени Василия Ивановича Милютина – все будет заторможено. А чтобы разобраться в его коммерции, тут надо было поднатореть по делопроизводству немало. За эту работу мне хозяин теперь и платит больше, чем приказчикам. Только они, слава богу, того не знают и считают меня чем-то наподобие телеграфа, который лишь механически связывает их с временно отсутствующим директором-распорядителем. А ведь на самом-то деле я и есть временно и безупречно исполняющий обязанности управляющего! Решения по пароходам, складам, ремонтам – все решительно на мне. А для того надо знать хорошенько, что, да как, да и по сколько. Давеча усмотрел, что баржа одна перед отплытием негодная совсем была. Вроде и не мое это дело, но отпусти ее так, как была, – потом Василию забота великая выйдет. Вот от имени барина я все текущие поездки и перестроил – нормально вышло: ни простоев, ни задержек, ни убытков особых. Выкрутились… Слышал как-то, матросы наши меж собой говорили: «А молодой наш Иван Васильевич-то (то бишь обо мне) – не сынок ли на самом деле господина управляющего? Глядишь, через годик-другой он его тут и заменит совсем!»

Подстава

Может быть, все так и сбылось бы со временем. Однако тотемская эпопея для Ивана скоро драматично закончилась. Причиной тому, с одной стороны, была определенная черная зависть некоторых ущемленных в правах приказчиков, недовольных тем, что реальным поверенным в делах Сухоно-Двинского пароходства с молчаливого благословения хозяина фактически стал его посыльный мальчишка, а с другой стороны – сыграла свою роль все возрастающая маниакальная подозрительность самого Василия Милютина, который после каждой длительной попойки все чаще приходил в психически неуравновешенное состояние и начинал терять контроль над собой.

Случилось так, что Иван как-то в городе на молодежной воскресной гулянке в августе 1909 года близко познакомился с одним молодым ссыльным, вятским парнем. Звали того Славкой Скрябиным, был он недоучившимся в Казани реалистом, а лет ему было несильно больше, чем Ивану, – видимо, девятнадцать. Славка этот только что по этапу из Вологды с неимоверным трудом добрался к ним на поселение, фактически без гроша в кармане, голодный, но смотрящий на свою жизнь и дела будущей революции с невообразимым оптимизмом. Иван, проникшийся к его личности и жизненным затруднениям, сначала временно гостеприимно приютил у себя на квартире (к счастью, барин в это время уезжал в Череповец), а потом, когда тому от казны все же выдали один рубль пособия, помог за полтину снять угол у одной знакомой старухи.

Как поднадзорный, Славка не имел прав по отлучке из Тотьмы, ему также была запрещена любая казенная работа, включая учительство (даже частные уроки). Иных доходов, кроме казенного рублевого пособия, у нового, сильно нуждающегося приятеля в перспективе не предвиделось. Семья его хоть и была мещанского сословия, но «вспомогания» от нее ждать не приходилось уже по идейным соображениям.

Иван, видя, что новый знакомец хоть и шибко по натуре своей культурный, но притом явно «придурковатый» по части революционного энтузиазма, сам за себя в бытовом плане постоять не может, стал обдумывать план, как того пристроить на работу к себе в пароходство, хотя бы кем. Ведь даже если питаться только купленной на пристани мелкой рыбешкой, то эти ельцы сейчас идут по 7 копеек фунт (а уж о крупной рыбе и говорить нечего – 18 копеек!). Лучше, конечно, самому тогда ее половить в устье Песьей Деньги[3]. Там иногда можно пристать к ватаге мужиков и походить с ними по реке с бреднем – глядишь, фунтов на пять доля твоя и выйдет.

Однако пока новоявленный опекун молодого революционера пытался провернуть его трудоустройство на частном торговом поприще у себя в конторе, этот недоумок с упорством, достойным лучшего применения, до того активно окунулся в революционную пропаганду в Тотьме (получив каким-то образом из Вологды большевистскую литературу и распространяя ее в уезде среди, в общем-то, малознакомого ему местного народа), что в полиции того сразу же взяли на карандаш и отписали о нарушениях вологодскому губернатору.

В итоге уже в первых числах октября по предписанию губернатора исправник отправил Славку из Тотьмы подальше в городок Сольвычегодск для дальнейшего отбывания там срока ссылки под надзором полиции[4].

---

[3] Любопытное название у этой речки: Песья Деньга. По легенде, издревле был на ней такой случай: ехал царь Иван Грозный до Тотьмы, да карета его застряла посреди речки. Местные крестьяне царя с каретой вынесли на руках на берег. Государь в благодарность достал деньгу и подал своим спасителям. А монета возьми и выскользни у него из рук в речку. «Ну и пес с ней!» – радостно вскричали подданные. Вот с той поры реку эту так и зовут: *Песьей Деньгой*.

[4] В 1911 году гуманное царское правительство вообще освободит от наказания Славу Скрябина (впоследствии хорошо известного как Вячеслав Молотов), даст ему возможность закончить реальное училище и поступить на учебу на кораблестро-

Дружба со Славкой, естественно, потом Ивану вышла боком – начинающий революционер и будущий глава советского правительства натурально ненароком подставил своего неравнодушного приятеля-альтруиста. Шум вокруг губернаторской высылки реалиста Скрябина из Тотьмы был невообразимым, особенно когда по доносу от милютинских приказчиков выяснились подробности того, какое значительное соучастие в судьбе опального революционера и даже в попытке устроить того в пароходную компанию Милютиных принял до того верный и надежный Иван. Досрочно вернувшийся после своей отлучки Василий Милютин[5] при всем своем нежном отношении к земляку-воспитаннику в буйстве тогда кидался в него граненым стаканом и распекал матерно так, что гуляющая под окнами их дома публика шарахалась на другую сторону улицы.

Назавтра уже Иван собирал свои пожитки и с обиженными слезами на глазах торопился на пристань, дабы успеть на проходящий пароход…

P. S. Ивану так больше и не доведется в своей жизни встретиться со своим первым работодателем и деловым наставником. Возможно, в 20-х или 30-х годах он случайно и встречал на улицах города отдаленно знакомого ему старика, но мог при этом просто не узнать бывшего респектабельного купца и фабриканта.

ительный факультет в Санкт-Петербургский политехнический институт (который им так и не будет закончен опять же по причине полного ухода в такую манящую революционную деятельность).

[5] Василий Милютин, в отличие от своего брата Андрея, успевшего после отца побыть в Череповце городским головой (1910—1913 гг.) и умершего в 1915 году, проживет долгую жизнь. При советской власти, потеряв все нажитое богатство, он продолжит жить в Череповце, работая по части судоремонтной инженерной специальности. Сталинские репрессии 20-х и 30-х, на удивление, минуют его, но умрет этот человек в полном одиночестве и нищете. Горожане вспомнят о нем из газет в 1935 году, когда тот соберет и передаст в краеведческий музей города уникальные материалы для биографии отца своего И. А. Милютина. В своих комментариях к этим документам Василий Иванович очень тепло отзовется о своем родителе и о дружеской доверительной атмосфере, царившей у них в семье и с нанятыми работниками.

Рукопись Степана, 1907—1909 гг.

Ниже автором частично использованы материалы из дневника тотемского крестьянина Замораева А. А.

Тем временем недалеко от деревушки Сельцо в уже упомянутом Иваном селении Погорел (Погорелка) Чудского прихода по-прежнему жила семья искусного умельца сапожного дела и большого любителя художественной литературы Степана Григорьевича. Как и младшего его сынишку Осипа, а также других сыновей (Михаила и Александра), весь их род, включая и по линии братьев Степана (Петра и Андрея), земляки меж собой почему-то звали чудинами или чудями. Отчасти это было связано с их повседневной близостью с приходом и земской начальной школой в Чуди. А еще жили эти крестьяне на краю деревни, ближе других к погосту, свои земельные наделы получили опять же вокруг него – на месте сожженной в древности деревеньки Пречистое, да и сам их переулок в поселке от той близости к деревне-призраку с незапамятных времен назывался Пречистый. Наконец, вспомогание Чудской церкви дровами ли, строительными работами ли было в деревне от их семейства самое заметное и почитаемое, за что попы всех этих чудей по-своему жаловали и ставили в пример.

Еще представители этой фамилии с благословения батюшки монопольно помогали сельчанам с рытьем могил на кладбище, с расчисткой его от упавших деревьев (а это уже какой-никакой, а стабильный дополнительный заработок в семье). Храмов в то время в Чуди было два: Вознесения Господня – старый, намоленный, деревянный, искусно рубленный еще в середине XVIII века (на месте еще более старинной деревянной церкви, описанной автором в первой части трилогии), но частично полуразвалившийся, заброшенный и потому после революции дружно разобранный крестьянами на дрова[6], а также недавно (1893 г.) отстроенный на пожертвования прихожан каменный (Рождества Пресвятой Богородицы) с каменной же высокой колокольней.

В 90-х годах XIX века здесь же, у погоста, была построена приходская школа (представительное двухэтажное каменное здание). Чуть позже при школе усердием земства организовалась небольшая библиотека. Учитель, а потом и сход выбрали к заведованию читальней на общественных началах Степана, отца нашего Осипа. Степан и раньше в Чуди и ее окрестностях считался поборником народного просвещения и ратовал за вычитанные им в книгах новшества. Благодаря немалому сапожному доходу он и сам на дому сумел собрать два десятка книг русской классики (Пушкина, Гоголя, Толстого), на коих учил не только грамоте, но и русской литературе своих детей.

На то, чтобы отдать Степану заведование народной библиотекой, дал свое благословение и новый (назначенный в 1905 году) настоятель церкви Чудского прихода Мирославский Михаил Андреевич. Степан, а до того его отец Григорий стали тому незаменимыми хозяйственными помощниками, причем если в праздники без брата Петра никак не обходилось выпечка просфоры, то другие сыновья Григория вносили свою посильную лепту церкви в виде тяжелого физического труда.

В благодарность батюшка Михаил как мог продвигал в уезде среди своих многочисленных знакомых заказы на сапожные изделия от этой мастеровой семьи, практиковавшей кожевенно-сапожный промысел с незапамятных времен. Да что говорить, он и сам быстро стал активным потребителем для своего семейства Степановых изысканных изделий, равно

[6] Похожая история была в это время в соседнем большом селе Абаканово, где также помимо каменной церкви 1892 года постройки некоторое время продолжал существовать храм старинной деревянной постройки. Однако ту церковь в лихолетье 20-х годов сгубил пожар. Поэтому относительно Чудского деревянного храма жители волости сочли за благо предусмотрительно разобрать ее на дрова для нужд обеих школ (Абакановской и Чудской).

как и настоятель соседнего Ильинско-Шухтовского прихода Нелазский А. С. Благодаря такой рекламной поддержке сельской «элиты» «бизнес» Степана продержался дольше, чем у многих кустарных мастеров сапожного дела в соседних волостях уезда.

Особо часто сторонние заказы приходили на коты – укороченные женские сапожки, отделанные сверху красным сукном или сафьяном. Конечно, местная юфть-кожа, хорошо пропитанная дегтем, была чрезвычайно долговечной. Но постепенно с открытием железной дороги в Череповец и в уезд стало приходить с юга большое количество сапожных изделий из кож лучшего качества. Востребованность местных кустарных изделий у благородного сословия стала падать.

Однако и здесь Степан нашел выход – освоил сапоги «с моршыной», которые считались особым шиком из-за складок на голенищах. При их изготовлении в кожу требовалось вшивать кольцами круглую веревку. Еще одним новшеством Степана стали сапоги «со скрипом», для чего между подошвой и стелькой делалась подкладка из сухой бересты. Наконец, идя на поводу моды, мастер стал придавать носкам своих сапог не только круглую, но и удлиненную форму.

Тем не менее кустарный промысел в Погорелке и ее окрестностях на «внешнем рынке» год от года сдавал позиции, к 1910 году стал даже пропадать смысл возить кустарные сапожные изделия в соседние города: Белозерск, Череповец, Вологду. Ребятишки-подмастерья, посылаемые отцами для торговли и ремонта обуви, в основном конкурировали только на поле периферийного сельского потребителя с не сильно завышенными требованиями.

В Череповце и его пригородах торговцы-перекупщики к этому времени организовывали массовое изготовление своей продукции по принципу рассеянной мануфактуры. За счет более дешевых оптовых поставок кожи-сырца своим мастерам-сапожникам и оптовой же скупки готового товара им удалось значительно сбить цены, в результате чего многие мастера этого дела в удаленных деревнях вынуждены были отказаться от своего промысла (как это, например, произошло в Сельцах в клане семейства Ропаковых).

Кроме того, скоро стало широко распространяться одно английское изобретение по производству так называемой кирзы на основе пропитки водозадерживающим составом (состав из яичного желтка, парафина и канифоли) брезентовой материи. Этот товар стал особенно экономичен в производстве, и потому еще до начала Первой мировой войны он начал массово вытеснять из обихода обувь из натуральной кожи.

Но вернемся к житию упомянутого крестьянского рода из Погорелки. Казалось бы странным, что при переписи семейств деда Григория и его трех сыновей с внуками, проводившейся в волости еще в ходе крестьянской реформы, к ним не пристала такая понятная сельчанам фамилия-кликуха, как Чудиновы или Чѹдины. А все благодаря отцу Афанасию, тогдашнему настоятелю церкви в Чуди, который в своих проповедях частенько упоминал геройские события земляков-пращуров за 1611—1613 годы и благодаря которому на месте гибели отряда Матвея Пушмяка в середине XIX века был установлен добротный поклонный крест (уничтоженный при советской власти в 1918 году). Это он настоял, чтобы потомки родов этих былинных героев были записаны в приходских книгах по их сохранившимся в памяти именам: Пушменковы, Зверевы, Севастьяновы, Хрипатовы (при написании последних, правда, глуховатый дьячок непроизвольно допустил-таки ошибочное искажение, потеряв первые буквы, отчего фамилия стала более благозвучной и понятной).

Начав заведовать библиотекой и много общаясь на темы просвещения с приходящим малограмотным людом, а также с настоятелем храма и с часто меняющимися сельскими учителями (жившими на квартире в самой Чуди), Степан со временем по собственной инициативе стал вести собственные дневниковые записи о жизни в деревне и о крестьянских буднях в волости. Он называл этот процесс «писать книжку!». Сначала, чтобы не забыть, он записывал в разлинованные листы тетрадки свои текущие расходы и доходы (по линии сапожного промысла тех и других было немало): что почем на сельских и городских рынках. На основании

этих заметок он обдумывал, от чего зависит динамика текущих цен на сырье и товар, изучал, где и у кого цена лучше, как и на что можно обменять товар. Потом в его записях стали появляться краткие упоминания о жизни соседей и односельчан: кто кого когда народил, похоронил, просватал, обвенчал, а также кого из деревенских забрили осенью в рекруты.

Далее у него в записях пошли актуальные пометки об урожае и о датах основных сельскохозяйственных работ: когда запахал, когда, что и где посеял, как завозил на поле навоз, как шел сенокос, потом о жатве, о молотьбе, сборе картофеля, а еще о взаимоотношениях с мельником и даже кто был нанят общественным пастухом, почем ему платили и хорош ли был тот со стадом. Вещи простые, насущные, но никакая память все это в голове не удержит…

Ну и далее в дневниковых записях появилась прочая бытовуха: отелы, убой, покупка-продажа животины (всех телок, баранов и свинок называл обычно по кликухам, если только речь не шла о забое – тут они вписывались без имени), еще в списках документировались важные покупки на ярмарке (посуда, упряжь, ткани… вплоть до пятикопеечных картинок и пряников), конечно, не обошлось в «историях» про болезни и утраты в семье и более дальней родне.

Незаметно для себя Степан стал много писать и о погоде – как без погоды объяснить вынужденные задержки с работами в поле и почему нехорош был в текущем годе урожай. Да и сами цены на рынке сильно менялись от того, какова была погода: засуха или, наоборот, если все заливало дождем. По отношению к погоде он часто в тетрадку вписывал и собственное настроение о ней: «погода заносная, холодная, ветер морозит носы», «погода прелесть, ясная, луна полная», «много грязи на улице, телеги застревают», «не худо бы дождя…», «оводу всюду кишит, не было столько много годов…» или, если все идеально: «погода красовитая».

После прочтения получаемых с запозданием в библиотеку газет или под впечатлением некоторых проповедей мужика иногда надоумливало писать в тетрадке и о важных, по его мнению, государственных событиях. Так, в рукописи засветились даты открытия и разгона Государственных дум, позиционные турецко-балканские войны, то, что Болгария объявила себя независимым королевством, про страшное землетрясение в городе Мессине на Сицилии, про убийство португальского короля с наследником и про то, что минуло четыре года, как в Китае на японской войне погиб доблестный адмирал Макаров. Иногда «писатель» отражал в записях и свое личное отношение к этим и другим событиям. Встречались у него и прямо революционные выражения и негодования: «Подати выжимают… с души подняли от 3-х с полтиной до 4-х рублей!», «Царит полная реакция, срам и позор! Народу не велят собираться в одном месте, требуют под подписку», «В России было много казней в этот год…»

Также усердно фиксировались и менее значительные для страны, но более важные события, происходившие лично со Степаном: «лошадь нездорова», «надысь клали у Николая печку, потом был пьяный», «ходил на суд к земскому начальнику за порубку леса», «носил деньги лесничему за дрова», «ходил на суд в город виновником», «была деревенская сходка», «помогал у церкви на дрова», «в Рождество были в городе на Елке, пришло много детей, весь день ходил трезв*о*й», «начали ездить на дровнях», «из леса еще не вывез два стога сена», «ходили с коробом, ломали рыжики на жаровню», «корм нынче дорогой, а скотина дешева», «возили торговать сапоги, хорошо выручили», «братуха отвез в город десять бревен на продажу, дали 3 рубля», «что с кормами? у всех нет!»

Иногда и в их селе случались свои неординарные события: «Весь день в деревне урядник, стражники, становой и помощник исправника. Составили протокол за убийство Степаниды Прохором. Прохора забрали в тюрьму (туда ему и дорога), а труп убиенной положили на ледник. Нам, соседям, теперь постоянный караул у ледника держать по 12 часов… Караулы эти измучили. Наконец велено было оттаивать Степаниду на печи и хоронить».

Другое: «Говорят, в городе бросился под поезд один проштрафившийся ученик, а в прошлым годе два семинариста вообще застрелились…» Но больше в записях «летописца»

можно было прочитать вполне обыденного: «деньги на все расходы от молока», «керосин по 5,5 копейки фунт», «лес горит, дым глаза ест, ветер разносит дым – в полуверсте уже ничего не видать», «зарезали поросенка и свинью», «Чернуха отелилась», «ивовая кора в городе сдается за 30 копеек пуд», «работа в городе хороша теперь: воз камня – полтина, работа чернорабочим за 12 часов – 70 копеек».

Каждый год у Степана заканчивался в тетрадке неким личностным резюме: «слава богу, год для нас был *тихой*», «пусть этот год канет в вечность, его не жаль – одни неприятности да убытки» или «год для России был *тихой*, войны и мятежей не было, Австрия только пугала войной…»

Однажды сыновья стали пытать: «Зачем пишешь, что пишешь, кому это надо?» Степан оттого и сам задумался: «А в самом деле – на кой?!» Но объяснять охламонам что-то надо же, хоть и сам до конца не прояснил.

Потому сначала отец позвал их посмотреть таблички по ценам.

– Вот вы без рукописи моей можете сказать, когда в этом годе цены на сено, овес или муку ржаную были благоприятные для продажи? Нет? А вот смотрите! В начале года, месяц март, за пуд просили: за сено тридцать пять копеек, овес семьдесят копеек, за муку целковый и тридцать копеек, в мае уже сено стало по семьдесят шесть копеек, а мука рубль с полтиной, в июле же сено всего двадцать копеек, мука опять рубль тридцать, в сентябре всего, считай, обилие и сено по двадцать две копейки, мука целковый ровно, овес от тридцати копеек (хотя другой год в это время овес был и по пятьдесят пять копеек), капусту мы покупали по шестьдесят пять копеек пуд, в октябре месяце цены уже пошли вверх – мука целковый и сорок копеек, сено три гривенника, конец года, декабрь – сено столько же (на удивление… обычно в это время от тридцати до сорока копеек), мука росла до рубля шестидесяти копеек, овес до восьмидесяти копеек. Теперь по говяжьему мясу, фунт его вырезки мы сдавали в сентябре по девять копеек (просил гривенник, но так и не сторговался…), корову Ясеньку мы тогда продали за пятнадцать рублей с полтиной, теленка отдавали кооператору за четыре целковых и три гривенных. А вот, например, белой муки купили мы вам на блины на Масленицу пуд уже по два рубля восемьдесят копеек (смотри-ка, на полтину дороже, чем в прошлый год…). Да вы, хлопцы, и не слушаете меня!

– И это вся твоя писанина? – разочарованно спросили дети.

– А вот и нет! – Степан на такое аж обиделся. – Седьмого сентября родились ягнята. Помните, вы их никак по имени не могли сговориться меж собой? Или вот девятьсот седьмой год: на Новый год как раз отелилась корова Красуля. Двенадцатого февраля Андрюха наш слег с воспалением легких, без памяти пролежал два дня. Уж и не знали, спасется ли. Забыли? А тут, смотри, это все записано, как у ангелов-хранителей. А седьмого марта лошадь стала нездоровой, какая суета-то была! Вот еще смотри: родились два барана у черной матки, а здесь я ковал лошадь, а здесь турки с Италией мир заключили и на войну с Сербией, Черногорией и Болгарией бросились, а потом славяне им надавали по шеям… Часы вот купили за четыре рубля – вон на стенке повешены, или еще важное, как заработал лошадью на подвозах шестнадцать рубликов! А уж про то, кого в нашей деревне и когда отпевали да обручали, только я один среди селян и знаю точно. В церковной книге, конечно, эти записи имеются, да только кто же их тебе покажет, коли ты не мировой или не урядник присланный…

– Вот вы небось считаете, что эти тетрадки – папкина блажь и не более того, – через некоторое время продолжал беседу Степан. – А вот я крайне жалею, что предки наши такое же не писали для нас. И потому что там случалось с ними сто, или двести, или более лет назад – ничего нам теперь об этом не ведомо. Только монахи в некоторых церквях русских такие летописи оставили после себя, и теперь профессора разные по этим записям восстанавливают историю Отечества. Устные сказы, такие, как у нас деды вспоминают про Матвея Пушмяка и его рать, – все это, возможно, и было, да, может, и не так совсем. Сколько поколений людей те

былины пересказывало за прошедшие века, столько, может, и наврало от себя, добавило лишнего или, наоборот, забыло что-то важное. Конечно, коли тех событий и не было бы совсем? Так вон же каменные плиты на могилах польских шляхтичей на нашем погосте – лежат себе, да иначе и названий наших местных, подобно ручиям Казимир и Будимир, тоже не было бы. Хорошо еще, что из книг мы точно знаем про времена те и что была тогда смута и голодный мор при царях Годунове и Лжедмитрии, ведаем, как избрали на общем русском сходе в цари отрока вашего возраста Михаила Романова. Совсем чуток до 1913 года-то осталось, до празднования трехсотлетия императоров Романовых. Недолго осталось ждать, праздник, видно, будет на всю империю, уж этого мы так не оставим! А вам хочу наказ дать такой: я вот помру, так вы мои тетрадки для потомков храните и сами тоже пишите, как там все будет в вашей истории далее. Подробно пишите. Внуки и правнуки вам потом за то спасибо скажут. Потому оно важно, как у древа корни росли. Листья опадают каждую осень, ветки тоже непостоянны и малозначительны – их не жалко, а корни-то на века остаются, от них весь смысл живого божественного промысла. Надо знать свои корни.

Оська потом часто давал отцу советы на то, что надо бы не забыть вписать в тетрадки из их деревенской жизни. Сам он не охоч был до писанин разных, да и книги не шибко могли разбудить его равнодушие ко многим историческим познаниям. Его больше тянуло к думам о воинской славе, о романтике военных баталий и походов. Особенно сильно эти мысли возбудились в его голове, когда страна в августе 1912 года отпраздновала столетие Бородинского сражения в давно минувшей войне с Наполеоном. Парню на тот момент уже исполнилось семнадцать, и отцу с братьями, да и многим соседским он гордо обещал, что как только ему исполнится двадцать годков, так и пусть его сход первым пишет в рекрутский набор. Да чтобы только в кавалерию, а не иначе. Он на то охоч больно, а крестьянский быт ему давно скучен… По этой же причине Осип не хотел никак слушать родню о задумке ему жениться, хотя старший его брат Михаил был женат и сам уже заимел двух сыновей, а брат Александр имел такое твердое намерение в ближайший год.

– Когда ж жениться, как не теперь-то? Если вправду забреют тебя в армию, то в кавалерии это же на четыре года служба, а то и на все пять заберут, коли на морской флот припишут! А коли война какая за это время случится? На сколько годков там все может затянуться-то? Женился бы лучше теперь! Смотри, какие кругом девки стоящие, работящие! Мужиков с жинками да особо с детками не особо в армию годными считают брать. А ты сам туда нарываешься… – причитала матушка.

Тем временем о событиях в Череповце

Семья череповецких Ропаковых после насильственного освобождения отца семейства Ивана из тюрьмы в октябре 1905 года четыре годика прожила на своей квартире безбедно и счастливо. К 1909 году сын Дмитрий успешно закончил обучение в Александровском техническом училище и начал работать на судоремонтном заводе у Милютиных. Наталка по настоянию отца продолжала учиться в женском училище. К своим шестнадцати годам девушка расцвела, превратившись из невзрачной конопатой язвительной озорницы в респектабельную, одетую «по-благородному», хорошо сложенную и привлекательную девицу.

Революционный кружок в их доме постепенно распался и со временем угас совсем, несмотря на то что отец их сборам никогда никак не препятствовал. Постоянное плотное общение с друзьями, бурлящие влюбленности, модные увлечения искусством, литературой и науками сами собой вытесняли из голов череповецкой молодежи массовый психоз в плане «насильственных преобразований», «террора совести» и т. п., идеологи-заводилы которого стали не в почете у уставшего от прошедшей революции обывательского населения.

Достаток и стабильность в их доме присутствовали, бьющая ключом веселая и разносторонняя энергетика детей придавала главе семейства бодрость духа и мотивацию к налаживанию семейного быта. Слава богу, здоровьем в их семействе никого боженька не обидел. Иван даже стал прицениваться – а не купить ли в городе участок землицы для постройки собственного дома. Покупать старые покосившиеся постройки он не желал, ведь при его навыках в строительных профессиях можно было выстроить жилище-мечту, по собственному плану и разумению. Иногда отец после вечернего самовара советовался об этом с детьми – рисовал планы своего будущего терема и горниц. Сын и дочь хоть и витали в своих небесных высях, тем не менее всегда выговаривали отцу полную поддержку, предлагали для реализации папкиной идеи городские местечки, где видели предпочтения для своей будущей оседлой провинциальной жизни.

В своей трудовой деятельности и борьбе за правду отец семейства тоже несколько утихомирился, в спорах по штрафам с начальством стал действовать гибче, предпочитая плохой мир доброй ссоре. В силу своего возраста и достигнутой степени уважения среди рабочих и приказчиков Иван к этому времени окончательно потерял свое имя и стал зваться исключительно по отчеству: Кирьяныч.

Осенью 1908 года случилось Кирьянычу и заново влюбиться – познакомился на свадьбе одного своего знакомца с молоденькой девицей, да и при всех своих годах и сединах натурально втюрился в нее. Невероятно, но девушка сразу же ответила взаимностью, и после положенных месяцев конфетно-букетного ухаживания разговор меж ними пошел уже и о венчании. Девушка Ирина была из многодетной семьи мелкого лавочника со слободки, поэтому родители нисколько не были против, чтобы выдать очередную бесприданную дочь за возрастного, но стабильного в финансовом плане вдовца.

В отличие от большинства представителей своего класса трудяг высокой мастеровой квалификации, Кирьяныч совсем не курил, в меру ругался матом и крайне редко выпивал (и то по большим праздникам да в застольях по случаю свадеб или поминок земляков-товарищей). Тем более непостижима для невесты, детей и всего окружения Ивана стала его неожиданная и невероятная смерть: «от утопления в высшей степени алкогольного опьянения…»

Знакомые в последний раз видели Кирьяныча вечером в субботу первого мая вполне трезвого и вменяемого. Он заходил после работы в трактир, чтобы найти там одного купчина и переговорить с ним насчет искомого участка под городскую застройку. Пробыл в трактире не более получаса, выпив за компанию одну рюмку водки с соленым огурчиком, после чего отправился к детям домой.

Дома Дмитрий с Наталкой прождали отца до утра, полагая сначала, что батя загулял где-то с невестой накануне выходного дня. Но утром его тоже не было – дети, уже сильно тревожась (раньше ничего такого не случалось), отправились по городским знакомым искать папку. Но везде было глухо. Ирина тоже была в недоумении и отчаянии: куда же мог подеваться ее суженый? Однако вечером через дворника их вызвали к полицейскому приставу: голое тело отца обнаружили на песчаном берегу Шексны, в семи верстах от города ниже по течению. Вызванный к месту врач определил, что купающийся до того, как захлебнулся речной водой, был сильно выпившим.

Полицейские, пройдя по берегу, в итоге частично обнаружили одежду и вещи утопленника. Из чего было сделан логический вывод, что факта насильственной смерти в данном случае не просматривается – мертвец сам где-то на ночь напился, разделся на берегу вдали от общественно посещаемых мест, после чего благополучно утоп без какой-либо посторонней помощи. Полиция данное дело закрыла как очевидное и не криминальное.

Не верили только все, кто сколько-нибудь хорошо знал при жизни Ивана. Нелепая смерть и душевно-раздирающий период опознания, отпевания, похорон и поминок отца особенно сильно подействовали на Наталку. Девушка, находясь в полной апатии, в какой-то момент стала заговариваться и отрываться от реальности. Учебу в училище по болезни пришлось прекратить. Очень сильно в это время помогал верный друг брата и по-прежнему их сосед Павел Ломов, работавший после окончания училища приказчиком у ведущего в уезде лесопромышленника. По его настоянию и за его же счет из Вологды был выписан дипломированный лекарь-немец по нервным болезням. Последний имел репутацию стоящего доктора и обладал немалым опытом успешных излечений помешанных в Вологодской губернии.

Постепенно болезнь у девушки стала отступать, было заметно, что наступали периоды просветления, когда Наталка вела себя почти по-прежнему, но случались еще и моменты эмоциональных срывов, психоза. Любое невольное напоминание об отце грозило на время вывести девушку из состояния равновесия и увести в мир страшных грез и безумия. Брат, как самый близкий ей человек, постоянно, будучи дома, разговаривал, стараясь увлечь многими посторонними темами. По воскресеньям их часто можно было видеть вдвоем на городских улицах, в любимом Соляном парке, в ботаническом саду. Не спускались только они никогда на отмели реки Шексны, которые, верно, хранили тайну гибели их отца. Из-за необходимого для скорейшего выздоровления постоянного контакта с сестрой у Дмитрия в это время совсем разладились отношения с прежними подружками – пассиями. Однако это его абсолютно не волновало, верность и забота о сестре была выше мимолетных любовных интрижек.

В материальном плане брату с сестрой, конечно, стало труднее жить. Но у Дмитрия теперь была стабильная квалифицированная работа, с которой он вполне успешно справлялся и считался на заводе на хорошем счету. Продолжал, как мог, помогать и богатенький Павел. Похоже, он был сильно неравнодушен к сестре своего друга, и до случившейся в семье беды она даже с полным удовлетворением и как должное принимала его ухаживания. Ну а уж в игривом флирте Наталка всегда была большой искусницей, поэтому ей ничего не стоило заинтересовать собой любого парня. Отец и брат Наталки смирились, полагая, что если Наталке Павел будет взаимно люб, то лучшего жениха ей и пожелать не надобно. Добрый, красивый, благородный, деликатный, обеспеченный. Пусть только повзрослеет да закончит учебу в училище. По-соседски свойский дворянский отпрыск постепенно стал фактическим членом их небольшой семьи.

Но случилось то, что случилось. Несчастный случай с корнем вывернул их семейное древо, и надо было привыкать жить по-новому. Дмитрию было также крайне жалко невесту отца Ирину, которую дети успели искренне полюбить. Мачеха, как ее дразнила ранее Наталка, по возрасту была ровесницей сыну жениха. После похорон и начавшихся проблем с вменяемостью дочери Ивана Ирина часто навещала своих несостоявшихся пасынка и падчерицу. В это время ее родители нашли для дочери еще одну партию с возрастным женихом, но та даже

не хотела видеть нового будущего мужа. Настолько тяжело далась потеря первой любви. То, что девушка реально успела полюбить своего Кирьяныча, теперь стало совершенно понятно.

Так в съемной квартирке в Криулях образовалось сложно построенное сообщество из одной «умалишенной», из полностью поглощенного душевной болезнью сестры верного брата, из кандидата в женихи «умалишенной», никак в сословном плане им не соответствующего, и из их несостоявшейся молодой мачехи. И все они почти год после смерти главы семейства практически замуровали себя в делах и проблемах этого сообщества, как бы отказавшись от иного мирского бытия вне стен названной кельи.

Время лечит… К лету 1910 года Наталка достигла своего 17-летия, и ее прежняя болезнь, кажется, ушла навсегда. Она даже начала работать в одном из магазинчиков Череповца, куда ее по просьбе Павла безоговорочно взяли. Павел же прилюдно сделал Наталке предложение руки и сердца (несмотря на возражение собственного родителя, обещавшего предать сына анафеме за связь с простолюдинкой), надеясь на поддержку своего друга Дмитрия. Девушка на то с юмором поклонилась в пояс и велела ждать, что она решит… Тут все присутствующие выдохнули – Наталка перед ними явилась снова в своем доболезненном репертуаре…

Потрясающая вещь случилась и с Дмитрием: после длительных бессонных раздумий и переживаний он сделал аналогичное «сурьезное» предложение… Ирине, пообещав сыграть обе свадьбы вместе. Кто этого совсем не ожидал, так это сама Ирина – девушка натурально упала в обморок, потом ее, заплаканную, долго все приводили в чувства. «Ты что, дуралей! – ругала брата Наталка. – Не мог ей заранее хотя бы намекнуть про свои чувства?!» Потом Дмитрий выгнал всех из комнаты и долго-долго говорил какой-то монолог своей нареченной. Вечером за столом друзья-родственники уже обсуждали свои предстоящие свадьбы как свершившийся факт, хотя никоторая из девушек еще не озвучила своего согласия, а родители Ирины вообще строили для нее совсем иные планы.

На следующий день Наталка, возвратившись с работы в магазине, неожиданно застала своего брата дома в абсолютно неестественной позе, сидящим на стуле, облокотившимся правым боком на подоконник, в свою очередь обильно заставленный горшками с фикусами. В спине Дмитрия по самую рукоятку был воткнут незнакомый нож-тесак, а на его белой рубашке образовалось уже застывшее красное кровяное пятно, почему-то напоминающее материк Африку. Все говорило, что последний родной и любимый девушке человек безвозвратно мертв. Это стало выше ее сил! Лучше бы убили ее!

Что делать?! Павел еще вчера уехал на несколько дней по делам компании из города. В квартале от них жил хозяин дома – бежать к нему? В участок? Где взять на это силы? Наталка ринулась и распахнула створки окна, ненароком разбив какой-то горшок. Полившийся с улицы прохладный воздух немного наполнил ее грудь, и она смогла выкрикнуть: «Помогите! Он убит!»

Все, что происходило позже, девушка запомнила как ужасный страшный сон, сочетающийся с явным бредом. Прибежавший на зов полицейский был ей знаком. В свою очередь он был в курсе о бывших душевных проблемах Наталки. Приехавшему следователю тоже вначале показалось, что это сестра в порыве душевного расстройства убила своего брата, и потому ее сначала увезли в участок, а затем и в больницу под надсмотр.

Вернувшийся из своей поездки Павел Ломов в итоге смог быстро помешать этому произволу. Наталку выпустили. Нанятый адвокат помог следователю отработать иную версию братоубийства: оказалось, что нож в теле Дмитрия совсем даже не из их дома, а такой же давеча приходилось Павлу видеть в хозяйской пристройке на квартире их арендодателя Захарова. И хотя все отпечатки с ножа были предусмотрительно стерты (что тоже было не в пользу обвинения

против Наталки – когда это душевнобольные в порыве безумного приступа думали об отпечатках?), соседи все опознали в орудии убийства хозяйский инструмент. Тщательный обыск квартиры Захарова помог найти там потаенный сверток с бумажными деньгами из накоплений Дмитрия (на это указывала приметная вышивка на платке, в которую убиенный молодой человек обыкновенно заворачивал заработанные на заводе ассигнации). Естественно, мещанин Захаров был тут же арестован, хотя он божился своими детьми, что никак не убивал и что весь злополучный день просидел в уборной от напавшего на него поноса.

Кроме найденных полицией денег, на квартире Дмитрия и Наталки пропал также редкий наследный кинжал, имевший даже собственное историческое имя Годун. Обычно и отец, и брат его хоронили в комнате так, что и поискать – не найти. Тайник для того давно имелся под одним из подоконников. Наталка про него знала единственная, но после убийства тайник оказался пуст.

Хотя семейное предание гласило, что в историческом плане клинок этот крайне ценен и, возможно, в прошлом принадлежал самому царю Годунову, но ценность ему была в базарный день пять рублей, ну, может, десять… Кусок заплывшего плесенью железа с какими-то хитрыми наворотами на рукоятке. Не убивать же из-за этого человека?! Да и схороненных денег в семье было тридцать с небольшим целковых. Не стоили они такой изощренной казни брата.

На всякий случай полиция тот нож объявила в розыск, приложив схематичный рисунок, который нарисовала по памяти Наталка (Павел, как оказалось, про тот нож вообще ничего не знал и никогда его не видывал). Розыск кинжала – дело формальное, сам следователь уверовал и уверил других, что «раз нож такой приметный – искать его надобно на дне Шексны или Ягорбы…»

Самое трагичное случилось в тот раз с Ириной – на следующий день после похорон Дмитрия ее нашли повешенной в бане…

Из-за всех указанных событий душевная болезнь опять на время вернулась к Наталке. Подряд такие нешуточные потрясения! Уход любимого отца, любимейшего брата, ставшей близкой подругой Ирины. Три единственных родных и самых близких по жизни человека. И все они упокоились практически за один год – с мая 1909-го по июнь 1910-го. Оставался, правда, верный друг и воздыхатель Павел, но какой может быть сейчас брак с сумасшедшей? Податься в монастырь? Пойти по стопам наложившей на себя руки Ирины?

Павел отговорил, хвала ему и его терпенью. Понимая, что венчание с Наталкой отложено на неопределенный срок (история про «безумство» девушки, чуть ли не убившей своего брата, получилась громкая и никакой поп не возьмется теперь венчать «сумасшедшую» невесту), Павел уговорил сначала каким-то невероятным образом несговорчивого отца, а потом еще более невероятным путем уломал и саму потенциальную невесту уехать на время в деревенскую глушь – в усадьбу Ломовых в Малечкино, где страдающий старческим полоумием и физически хиреющий помещик согласился-таки взять девушку-страдалицу в испытание на работу в прислужницы (скорее в сиделки) – взамен на твердое обещание сына не жениться на ней, а найти другую, родовитую.

Это оказалось неплохим выходом из ситуации. Во-первых, жить Наталке в городе стало совсем несподручно и притом дорого, во-вторых, собственная забота о немощном старике придала ей определенный смысл жизни. Понимая свою ответственность и обязательства перед Павлом за его родителя, девушка со своей стороны приложила все возможные усилия к этому делу и к новым обязанностям, что скоро благотворно сказалось и на ее собственном здоровье и настроении. Мысли о суициде наконец оставили ее. В общении с «дедушкой» с ее стороны опять появились нотки веселого сарказма. Гнетущий сына маразм батюшки совершенно не тяготил нанятую «няньку», а наоборот, позволил взглянуть на тяготы своей жизни с некоторым юмором и успокоением.

Так пролетели вторая половина 1910-го, весь 1911-й и большая часть 1912 годов. Усадьба и хозяйство Ломовых постепенно хирели. Хитроватый управляющий из крестьян ловко обворовывал помещика, да и само обширное хозяйство, по сути, не было эффективным. Молодой барин Павел Ломов, в свою очередь, мало интересовался поместьем и скоро на два года уехал подучиться во Францию. В Париже, ведя светский и немного богемный образ жизни (откуда только деньги взялись), он постепенно совсем выбросил из головы мысли про Наталку. Та же его тоже редко вспоминала. Только когда управляющий имением писал отчеты Павлу, ее просили добавить что-то про состояние здоровья старшего Ломова.

Обучение молочному делу в Фоминском

#

Пятнадцать верст прошагал Иван промозглым осенним утром от Вологды, чтобы наконец замерзшим, уставшим и опустошенным достигнуть бывшее имение Фоминское морского офицера помещика Павла Зацеского. Наконец его виду предстал двухэтажный громадный дом с двумя высокими колоннами. Вдали за ним на горе среди мглы вырисовывалась небольшая белая церковь с колокольней. Парень знал, что где-то здесь еще с 1880 года расположилась знаменитая молочная школа и завод купеческой супружеской четы датчан по фамилии Буман (теперь уже российских подданных), наиболее ярких учеников и сподвижников Николая Васильевича Верещагина – Федора (Фридриха) Асмосовича и Лидии (Иды) Ивановны.

Позавчера, когда он, клокоча от негодования за махровую неблагодарность своего патрона Васьки Милютина, садился голодным на пароход из Тотьмы в Вологду, парень наверняка решил, что не будет сейчас возвращаться битым и униженным на свою родину в Сельцы, как бы его ни тянуло натужно к давно покинутой семье. Назло всем рокам судьбы он свернет завтра же в Вологде в недалекое село Фоминское и выпросит себе там право доучиться в лучшей в стране частной молочной школе, как это когда-то осуществил его батюшка в Едимоново у самого Н. В. Верещагина.

Про маслоделов Буманов в губернии ходило немало легенд и даже складывались восторженные оды. Они были самыми именитыми победителями и призерами многочисленных сельскохозяйственных выставок в России. Их голштинское масло из заквашенных сливок пользовалось огромным спросом на ярмарках. Ничуть не уступало ему по спросу и их парижское (будущее вологодское) масло, разработанное совместно с Н. Верещагиным из свежих подогретых сливок.

Еще говорили, что Фридрих Буман самолично придумал перевозить и продавать готовое масло в небольших бочонках (бочатах). И не только придумал, но и самолично первоначально их изготовлял, пока не нашел в Ломтевской волости семейство крестьян, которых он же и обучил своему мастерству. Эти игрушечные бочонки пользовались у солидного обывателя особой популярностью везде, где Ивану в своей жизни довелось наблюдать маслоторговлю. Появление их на рынке сразу же притягивало массу посетителей, кои и разбирали весь привозимый товар в первый же день торговли. Наконец, Ф. А. Буман первым начал осваивать технологию изготовления на Вологодчине сгущенного молока, что активно разовьется в крае уже в годы становления советской власти.

На удачу Иван попал в самый благоприятный период, когда Буманы еще не завершили набор учеников, однако пришлось раскошелиться – первый год обучения в школе был платным. За место в общежитии тоже следовало заплатить. Но для Ивана с его заработанной у Милютиных «тыщей» это теперь не являлось существенным препятствием. На собеседовании он удивил своих учителей уже имеющимися навыками в маслоделии, но еще больше – личным камерным знакомством в Пертовке с легендой российских молочников Николаем Васильевичем Верещагиным.

Как и в самой Вологде – городе, по которому Ивану довелось немало побродить еще в бытность своей службы у Милютиных, в селе Фоминском тоже было немало интересных и приятных зданий рукотворного деревянного зодчества. В основном стили этих со вкусом украшенных деревянной резьбой двух- и одноэтажных строений напоминали Ивану нечто среднее между вальяжными изысками барских раскидистых усадеб и фундаментальными бревенчатыми высоко приподнятыми домами в доселе изученном им северном архангельском крае.

Если речь шла об одноэтажном функциональном строении школы, казармы-общежития или, например, скотного двора Буманов, то их украшениями всегда являлись сложная ломаная крыша с фронтонным и карнизным свесами, крытые покатые навесы или веранды, широченные лестницы с балясинами. Часто также под общей крышей строители закрепляли ажурные колонные подпорки.

Срубы в городе и на усадьбах всегда аккуратно обшивались струганым тесом, окна в домах обыгрывались наличниками с редко повторяющимся по своим узорам орнаментом. На двухэтажных зданиях почти всегда можно было увидеть незамысловатые балкончики, декоративные резные вставки, приятно вписанные в скаты крыш слуховые окна, и опять же в планах этих строений почти везде присутствовала сложная конфигурация стен (уступами).

Поражали своей архитектурной необычностью даже силосные деревянные башни, местами располагавшиеся на окраинах села. Сам маслозавод Буманов имел несколько больших одноэтажных деревянных корпусов, рядом с ними на территории находился просторный непроточный пруд, в котором летом несложно было отыскать ленты пиявок. При школе были также расположены корпуса молочной фермы, управление, ангар для сельскохозяйственных машин, каретная, мастерская, учебный корпус, здания мужского и женского общежитий.

Штат работников молочной фермы в тот момент состоял из хозяйки, основной ее мастерицы и 5—6 работниц. Естественно, помогали и ученики. В самой школе у Буманов в наличии имелось 95 собственных коров улучшенной ангельской породы, но еще по кооперации было приписано 350 местных крестьянских коров. Это позволяло вырабатывать в год до 1370 пудов масла и 650 пудов сметанного сыра – всего товара на 23 тысячи рублей. Ученики меж собой говорили, что в Фоминском это не единственная производственная база Ф. А. Бумана, владеющего также небольшими маслодельными производствами и в других волостях Вологодчины. Основным рынком сбыта его продукции была Москва, где товар отгружался и сбывался через общество братьев Бландовых.

По сравнению с рассказами отца обучение здесь, в Фоминской школе, было более процессуальным и продуманным, а не таким, как в Едимоновской школе, где ученики работали словно монахи на разных послушаниях, а по ходу этой деятельности учились тонкостям отдельных технологий. Здесь, у Буманов, курсы теории и практики были в значительной степени разделены. Кроме того, программа обучения для разных набранных групп учащихся разнилась по своим направлениям (прообразы будущих факультетов и кафедр) – кому-то больше давали навыков в скотоводстве и в организации молочных ферм, кому-то глубже раскрывали тонкости ветеринарии, а кого-то в деталях обучали технологическим процессам маслоделия и сыроварения. Иван для себя сразу решил, что главное для него здесь – изучить накопленный опыт в производстве молочных продуктов, особенно по сгущению молока и по выделке масел разных видов. Учеником он считался способным, старательным, внимательным, поэтому часто поощрялся преподавателями. К лету 1910 года мэтр и правая рука хозяев Калантар А. А. намекнул Ивану, что в школе скоро будет рассматриваться вопрос о его оставлении в учебном процессе с переводом на преподавательскую штатную позицию. Это сильно вдохновило парня, и он не постеснялся сразу же отписать отцу в деревню письмецо о такой своей новой карьерной перспективе.

Сами основатели школы Буманы к этому времени уже были крайне преклонного возраста, и процессы поддержания школы и маслозавода являлись для них обременительными. В итоге через год, в июне 1911 года, по их личному обращению учебная и производственная базы будут переданы в казну (о чем Николай II подпишет именной указ), после чего правительство выделит средства на организацию первого на Вологодчине губернского высшего учебного заведения – молочнохозяйственного института «с целью научной разработки вопросов молочного хозяйства и молочного скотоводства, теоретической и практической подготовки образо-

ванных деятелей в этой области» (а само село Фоминское, кстати, по названию института переименуют в поселок Молочное).

Находясь поблизости от города Вологды, Иван за время учебы часто его навещал, и не только по неотложным надобностям. Можно даже сказать, что он по-особому проникся и привязался к этому городку всем своим сердцем. Величавая старина Вологды (прежде всего величавые соборы: Софийский, Воскресенский, церковь Иоанна Златоуста), а также завораживающие пейзажи с высокого берега реки Вологды его притягивали как магнитом. Иногда он оставался здесь специально на ночь, чтобы рано утром встретить рассвет или, наоборот, полюбоваться переливом светотеней на куполах во время заката.

С 1912 по 1917 год на базе бумановской школы будет проводиться активное строительство корпусов института (как деревянных, так и каменных). Однако в связи с известными политическими революционными событиями первых дипломированных специалистов институт начнет выпускать только с 1921 года. Иван Ропаков мог и по всей логике событий должен был стать одним из основоположников в создании данного института, но, как всегда, вмешалась непредсказуемая судьба-грешница.

В ответ на посланное отцу письмо о скорых перспективах «выйти в люди» в качестве мастера учебного процесса у Буманов ему вернулось тревожное сообщение от брата Николая о том, что их отец Василий болен и находится в больничке в крайне тревожном по здоровью состоянии. Взволнованный Иван, отпросившись на одну-две недели в школе, срочно выехал по железной дороге в Череповец, где буквально на два дня застал живого, но умирающего отца. Возможно, прибудь он раньше, да со своими немалыми деньгами – отца бы и подняли, нашли бы хорошего доктора да купили дорогие лекарства. Местные же непутевые лекари, как выяснилось, вообще не лечили Василия, уповая, что 57-летний здоровяк и сам одолеет инфекционную лихорадку. Не одолел, как и большинство других местных крестьян, тут же собранных в общей палате, чтобы неминуемо отправиться после нее на кладбище.

Простившись с тятей и дав тому клятвенное заверение не оставлять на произвол судьбы их большую семью, 18-летний Иван осознал, что сроки его учеб и школ закончились. Пора уже становиться в Сельцах в их доме за хозяина. Деньги (крайне большие по меркам местных крестьянских хозяйств) у него наконец были. Не зря он крутился как юла у Милютиных в тотемском крае. А значит, теперь будут и коровы, и корма, и свой путь по созданию масломолочного товарищества на паях в содружестве с односельчанами. Идти ему теперь с благословения учителей только одной дорогой – по стопам преждевременно почившего отца Василия в молочную кооперацию.

Большую часть своих задумок и технологических наработок по данной части молочного производства в товариществе семей Ропаковых из Малых Селец и их односельчан в те благодатные годы реализовать Ивану удалось. В 1911—1913 годах поселение Сельца засветилось яркой точкой на уездной карте крупных центров производства масломолочного производства. Не только само семейство основателя молочной артели, но и все их небольшое село при новой жизни поднялось. У крестьян на правах кооперации помимо приличного объединенного молочного стада и избыточного по их меркам числа лошадей появились и свои сельскохозяйственные машины на конной тяге: двуконная сенокосилка, сеялка, жатвенная машина, а также молотилка с верхней подачей и соломотрясом, молочные заграничные сепараторы, подойники из белого железа, фляги для перевозки молока и многое другое. Стержнем молочного артельного объединения стала общественная маслодельня, оборудованная в амбаре одного из пайщиков товарищества по последнему слову техники. Для своих личных 15 коров и прочей живности Иван выстроил и оборудовал отдельный скотный двор, заготовку основных кормов по его

инициативе селяне наладили по бумановской технологии силосования (консервирования масс скошенных зеленых трав в изоляции от доступа воздуха).

Отец Василий до того и мечтать не смел бы о такой деревенской роскоши. Общими усилиями крестьяне обеих граничивших между собой через ручей и овраг деревень Малые и Большие Сельца вымостили до соседнего села Большой Двор дорогу, до того не раз раскисавшую в непогоду. Также по проекту Ивана был сооружен добротный каменный мост-переход через редко когда замерзающий пограничный ручей. Тем самым наладился бесперебойный вывоз продукции по прямому тракту на городской склад. Артель вошла полноправным членом в уездный молочный кооператив, что давало стабильность в части сбыта масла и молока.

Членами-учредителями молочного товарищества Малых Селец сначала стали только 21 домохозяйство из родной деревни Ивана, но через год к ним на правах кандидатов потянулись крестьяне и из Больших Селец. К лету 1912 года в составе товарищества числилось уже 38 домохозяйств-членов и еще 17 дворов-кандидатов. Созданная молочная артель действовала на основании договора, составленного по образцу, утвержденному министерством земледелия. Целями создания кооператива заявлялось «увеличение поголовья скота, улучшение его качества, переход на массовую переработку малоценных продуктов сельского хозяйства (сена, хлеба, картофеля и прочих) в более ценные продукты (масло и мясо)».

Кроме того, увеличение скота повлияло на удобрение полей и тем самым способствовало поднятию доходности крестьянских хозяйств, а также улучшению лугов. В округе на расстоянии пяти верст от Селец находилось еще шесть деревень с общим количеством в 350 дворов. Иван отдавал себе отчет, что не сегодня завтра они все придут к ним проситься в кандидаты. Это, с одной стороны, позволяло более рационально использовать совокупные земельные наделы (земельный вопрос по-прежнему оставался наиболее острым, так как сказывался дефицит пастбищ и кормовой базы), но, с другой стороны, такое количество молока ни в коей мере не потянула бы их небольшая маслодельня. Вот и думай: расширяться дальше али как… Первое, придется выстроить еще один цех (предположительно в селе Дементьево) и закупить дополнительные сепараторы, да еще тару под молоко, но главное, при таком количестве отходов для их утилизации при маслодельне нужно будет строить свинарник – это два. Для начала можно взять дюжину свиней йоркширской породы…

Заботы заботами, но Иван в трудах своих и не заметил, как, оказывается, исполнил потаенную мечту – объединить земляков-сородичей общей мегазадачей, для чего пришлось стать в двадцать лет лидером деревенской общины обоих Селец, а также, по признанию его односельчан, большим человеком, хозяином. Не барином, не господином, не кулаком, а просто строгим, но уважаемым Иваном Васильевичем, управляющим вольного и независимого крестьянского сообщества на паях, а по совместительству еще и товарищем (заместителем) поселкового старосты – ячейки местного самоуправления.

Недолгое послекризисное время (условно пятилетка 1908—1913 гг.), пришедшее в России на смену революционного надлома с последующими жесткими репрессиями (период «галстуков Столыпина»), как ни удивительно, стало самым ярким в развитии и совершенствовании обеих экономик: промышленной и сельскохозяйственной. Были не только преодолены финансовые трудности (возникшие в основном из-за войны 1904—1905 гг. с Японией), но и в результате запущенной правительством в 1906 году аграрной реформы удалось создать рычаги мотиваций для большого слоя ранее сильно обедневшего населения. Этому способствовали такие скопированные по немецкому образцу решения премьера П. А. Столыпина, как передача наделов земель от общин в подворную собственность единоличных крестьян (как ни странно, именно крестьянская община и решения ее схода были в те годы главным тормозом разви-

тия землепашества), широкое кредитование крестьян, выкуп помещичьих земель для льготной перепродажи землепашцам, оптимизация крестьянских хозяйств путем ликвидации чересполосицы[7]. Одновременно правительство выделило значительные средства из казны на оказание агрономической помощи крестьянству и на распространение сельскохозяйственного образования (в 1908 году – 5700 рублей, а в 1913 году – уже 29 055 рублей). А ведь народонаселение страны (175 миллионов человек) тогда на ¾ кормилось с земли, и она была всему голова…

Тем не менее достижения 1913 года потом длительное время являлись эталоном развития сельского хозяйства в России (а некоторые из них так и не были достигнуты даже за годы советской власти). К сожалению, государственная сельскохозяйственная реформа хоть и получила после 1906 года необратимый вектор развития, но убийство в сентябре 1911 года ее лидера все же вызвало пробуксовывание многих смелых инициатив (в частности, опять крестьянский сход мог по-своему влиять на подворное закрепление не только общинных пастбищ и лугов, но и пахотных наделов). Следующий председатель правительства В. Коковцев и его дальнейшие преемники относились к запущенным П. Столыпиным аграрным преобразованиям как к свершившемуся факту – не мешали, но и активно не способствовали их развитию, темпы которого начали к концу пятилетки снижаться, пока с началом Первой мировой войны вообще 40% мужицкого сословия не попало под мобилизацию в армию и высылку на фронт, тогда же был инициирован новый глобальный не только политический, но и экономический мегакризис (как в деревне, так и позже на производстве), приведший к падению режимов сначала в Российской, а потом по эффекту домино еще и в Австро-Венгерской, Германской, Османской империях.

По отзывам многих (тогда еще живых) вологжан – свидетелей описываемого времени, а также от их потомков, вспоминавших о житье родителей перед Первой мировой войной и революциями, хозяйства их были тогда на подъеме, жизнь в городах и деревнях налаживалась (конечно, там, где сами жители хотели этого и стремились к реальным целям, имея притом достойную поддержку от земств). Деды вспоминали, что им «вообще при царе жилось неважно, но накануне империалистической войны все стало более-менее налаживаться, сами

---

[7] Ряд современных историков, однако, считают эти меры негуманными. Действительно, за полученный результат (основанный на навязанном сверху создании и развитии укрупненных модернизированных современных хозяйств) в аграрной реформе П. Столыпина изначально закладывались еще и вполне «дьявольские» меры, а именно изгнание (массовый перевоз) мелких и потому нерентабельных хозяев с семьями на новые неосвоенные земли (преимущественно люди сгонялись в Сибирь, где позже почвы были быстро истощены). Но объективная причина этому, безусловно, была: в черноземных и центральных областях сложилось и с каждым годом усугублялось значительное перенаселение крестьян с резким ростом и потому вынужденным дроблением домохозяйств, что делало труд многих семей на скудных наделах малоэффективным, а жить приходилось буквально впроголодь (при этом с высокими рисками голодомора в неурожайные годы). Крупные же фермерские хозяйства на основе многополья, применения удобрений и прочего прогресса в агротехнологиях на примере Германии показывали колоссальный эффект по динамике урожайности зерна с десятины пахотной земли: в начале XIX века – 50 пудов зерна с десятины, в 1870 году – 90 пудов, а в 1910 году – уже 140 пудов. Оставлять в России сельское хозяйство в таком виде, как это сложилось к началу XX века, было бы смертоубийственно. Это понимали и специалисты, и большинство представителей власти в губерниях и в правительстве. Конечно, свершенная реформа по мановению палочки не дала фантастического эффекта (а только удовлетворительный – урожайность в европейской части России поднялась на 6,5%), народ также не получил всех желанных социальных благ. Ни в медицине, ни в образовании, даже не имел место существенный сдвиг в качестве питания населения. К концу 1913 года средняя продолжительность жизни в России составляла только 33 года (в Англии, Франции и Германии – на уровне 50 лет). Безусловными минусами правительственной реформы были низкие темпы выкупа и передачи крестьянам помещичьей земли (на тот момент она составляла еще треть плодородных площадей) и стремление продолжать поддерживать высокий уровень экспорта за рубеж зерновых для пополнения золотовалютных запасов (которые требовала для себя развивающаяся быстрыми темпами промышленность). К тому же рост урожайности в 6,5% явно отставал от самого роста российского населения (патриархальная общественная система и высокая детская смертность способствовали все большему и большему деторождению в России). В значительной степени корень всех потрясений и разорений, случившихся со страной (да и со всей Европой) в начале XX века, следует искать, как ни банально это звучит, в явно обгонявшем промышленный и сельскохозяйственный прогресс количестве ртов у быстро растущего населения страны. Поэтому, с одной стороны, люди, вовлеченные в развитие экономического прогресса, стремительно богатели, а с другой – происходило отставание в этом процессе для значительного числа жителей с периферии. Видимо, все так или иначе скоро наладилось бы благодаря механизму саморегуляции, но политики решили придать ему ускорение с помощью тотальной мировой войны…

они не голодали, животины и кормов было достаточно, в это время многие обустраивали свои дома и дворы, равно как и в городе много строилось каменных купеческих зданий, в их деревнях все ходили обуты-одеты, люди жили весело, были дружелюбны, часто ходили друг к дружке в гости, не скупились на свадьбах, могли позволить себе покупать что-то дорогое из мебели и посуды, большинство детишек (которые не хворые) учились, помимо воскресных походов в церковь обязательно на большие праздники семьями же посещали уездный город (ярмарки, карусели, синематограф), мужики, которые были заняты делом круглогодично (а это заработки в промыслах и кооперациях), пили и болели мало, людей в непотребном виде на селе не было, с властью и полицией все считались, законов держались, своя же сельская власть (староста общины) и решения схода были для крестьян непререкаемыми канонами».

Сравним эту жизнь с выдержками из документального доклада за 1924 год (т. е. через десять лет после того) студента Вологодского рабфака Зайцева Г. Г. Доклад о жизни населения волости представлялся им в Череповецкий уездный исполнительный комитет [Череповец. Краеведческий альманах, т. 3. Вологда, «Легия», 2002, стр. 93—95]:

Занятие населения: Волость страдает постоянными недородами. Есть приработок в лесопромышленности, где граждане вынуждены работать за бесценок.

Кооперация: Ввиду бедности края и несознательности населения кооперации совсем нет. Работает только лавка трудартели, но тоже чуть жива.

Отношение к власти: Вообще дух крестьянина анархический: ни та, ни другая власть им не нужна. Отношение к местной власти не очень лестное, но и не чересчур враждебное.

Быт. Праздники: Нет такого пьянства и драк, какие были раньше. Причина: волость бедная, не на что гулять.

Семейная жизнь: Раньше жена была рабой мужа, теперь дело обстоит в другом виде. Мужья стали умнее. Зато отношение жен изменились. Свою свободу они пересолили и теперь стараются подчинить себе мужа, ввиду чего отношения их стали нехороши.

Налог: Налог поступает удовлетворительно. Лучше, чем в прошлом годе. Объясняется тем, что налог меньше прошлогоднего.

Образование: Ближайшая школа была в пяти верстах. Детишки все неграмотные, ходить туда нет обуви и одежды. В волости есть библиотека и читальня, последняя существует только на бумаге. Библиотека же находится в крайне запутанном положении.

Глава 3. Предвоенное тревожное умиротворение

Ломовская паутина (1912 г.)

– Где эта распутная дура? – Голос старого барина разносился, как у молодого, на весь дом. – Почему я должен сам себе готовить капли? У меня живот болит нешуточно! Я умираю, колики невыносимые, кишку мне крутит! Да иди же ты скорее, девка ленивая, шалава сумасбродная!

Уже минут пять как Наталка слушала из соседней комнаты гневные тирады своего барина, но торопиться на его крики даже не собиралась. За два года работы в усадьбе у Ломова-старшего она выработала совершенно осознанную стратегию и тактику своих отношений с хозяином поместья. Ко всему, что этот капризный и зловредный старик говорил или орал ей, равно как и другим служащим, следовало относиться с разумной разборчивостью и стойкой непринужденностью. Принимать все его стервозные и истеричные выступления за чистую монету проявления реальных болевых признаков никак не следовало, иначе станешь рабом инсинуаций этого психопата.

Во-первых, он сам давно уже не вполне нормален, придурковат не только по форме проявления, но и глубоко по сути. Во-вторых, память его – как пустое сито: гадости помнит и даже приумножает ежедневно, а вот свои же действия, три минуты назад сделанные, забывает напрочь. Так и с каплями этими – не прошло еще и четверти часа, как принимал, но вот успел забыть или делает вид.

Да и живот, на который он жалуется сегодня, не факт, что в самом деле вообще болит, скорее, всего лишь придумка на то, чтобы вытребовать себе вкусняшек или покурить сверх того, что доктор разрешил. Доктор позволил ему разок в день курить трубку и еще соблаговолил давать рюмку в день спиртовой настойки на травах – вот про то старик никогда не забывает и требует себе каждый час наливки от хвори. Если бы не его постоянные гадкие слова и противные слюнявые гримасы, девушка бы, наверное, была более отзывчива к его повседневным просьбам, не глумилась бы в душе над старческим маразмом. Но этого душевного участия он, по ее разумению, давно уже недостоин.

Смерти или еще каких напастей на голову потенциального свекра Наталка, конечно, по-христиански не желает, но и уважительного отношения к навязанному ей больному больше не испытывает. Давно бы ушла и нанялась на какую другую работу в городе, но в кармане у девушки нет ни гроша – не милостыню же просить… Управляющий усадьбой Прохор Дормидонтович, ссылаясь на то, что сын старика Павел в своих письмах из-за границы на запрос о жаловании ей ответил, что «девица та у них не служит, а есть сама что ни на есть барыня, а потому денежный вопрос он решит самолично по возвращении», всячески уклонялся от выдачи Наталке каких-либо заметных средств, кроме минимальных сумм, совершенно неотложных для гигиенических или иных расходов в личное пользование.

Как назло, Павел все никак не возвращался из своей заграницы («учеба» ему там явно понравилась). Вот ему-то девушка была по-настоящему должна и обязана, а потому терпела. Сначала она писала Павлу во Францию и свои письма, но недолго – обратная связь была какая-то невразумительная, деньги на почту приходилось опять же каждый раз выпрашивать, да и отвечал ее давешний друг и названный жених как-то непостоянно и неопределенно. В итоге она вконец обиделась и перестала беспокоить Павла своими депешами.

Разум собственный, по ее же разуменью, к ней вернулся в полной степени – приступов или впадений в прострации она уже давно не испытывала. Любимым занятием в усадьбе для девушки стало садоводство – она, можно сказать, воскресила из небытия прежние благоуха-

ющие цветники и оранжерею. Средств на это поначалу тоже не хватало, но Наталка как-то изворачивалась. К счастью, в библиотеке барина нашлись и книжки по научному ведению декоративного садоводства. Затем, к ее удивлению, дочка управляющего тоже проявила некую бескорыстную заинтересованность в выращивании цветов, и эта неожиданная поддержка была очень кстати. Наконец, и сам старик Ломов обратил внимание, что сад его преображается в лучшую сторону (видимо, в прошлом для него или его покойной супруги это что-то значило), и когда он был в некоторой степени вменяемости, то требовал от управляющего «на то дело денег не жалеть…»

Однажды июньским утром 1912 года – а было это как раз накануне праздника Ивана Купалы – Наталка, копаясь в цветочной клумбе, услышала энергичный разговор какого-то приехавшего мужика с их управляющим Прохором. Разговор шел насчет использования помещичьих пастбищ. Промышленное стадо Ломова давно уже кануло в Лету, и на скотном дворе у них оставалось в наличии только четыре коровенки для внутренних молочных и мясных нужд. Потому мужик тот уговаривал управляющего сдать ему в аренду часть барского пастбища, ну а еще, кроме денег, обещал взять оставшийся барский скот на собственное полное обеспечение кормами. Похоже, это был уже не первый разговор с управляющим имения на данную тему, потому как Прохор совсем даже не ломался, ссылаясь на «барина в отъезде» (что было ох как типично для хитроватого распорядителя хозяйством), а наоборот, по-деловому обсуждал с приезжим детали сговора.

Наталка вдруг уловила что-то отдаленно знакомое в голосе гостя. Наверняка она уже раньше где-то слышала эти нотки – пойти, что ли, взглянуть?

Первым ее пришествие к толкующим меж собой мужикам заметил Дормидонтович, которому было ни к чему наличие свидетеля в коммерческих разговорах о деньгах поместья, – он движениями своей головы показал девушке, чтобы та шла прочь и не приближалась. Это не сработало, тогда в дело пошли определенные жесты его левой руки: «Иди, иди отседать!» В другой ситуации Наталка бы так и сделала, но теперь она явно заинтересовалась узнаваемым говором широкоплечего крестьянина, голосовые нюансы которого напоминали кого-то из ее прежних знакомцев по череповецкой жизни. Интересующий ее человек, однако, был увлечен своими переговорами с управляющим и не обращал внимания на подходившую со спины девушку. Когда она была уже совсем близко, Прохор резко прекратил разговор и обреченно-наигранно вынужден был представить ее: «Это вот, Иван Васильевич, нашего старого барина… как бы сиделка, Натал*ия*». Человек наконец повернулся в ее сторону.

– Ванютка? Ты ли это, дружок наш дорогой? Улетел, так толком и не попрощавшись, в свои архангельские дали? Давно ли ты с милютинских харчей сбег или так при них в прислужниках все еще состоишь? Дай обниму тебя, парнишу такого широкого да степенного! Ой как возмужал-то и вырос! Усища отр*о*стил! Ну прям статный купчина! – Девушка в своей привычной, немного развязной манере, не стесняясь светских приличий, буквально наскочила на опознанного из прошлого парня.

– Наталка? – сразу же обрадованно узнал девушку и гость. – Откуда ты здесь? Вот чудеса! Я тебя искал везде в Череповце, ничего путного не узнал. Говорили, родитель и брат умерли, хозяин квартиры сидит в каторге, а ваш сосед Павел живет в далеких землях. Где тебя еще искать, и не ведал… Думал: либо тоже не жива, либо же уехала из наших краев с концами. А ты здесь – в трех-то верстах от меня, оказывается, и вполне живехонька!

– Да что со мной сделается! Здесь я, у Ломовых задарма тружусь. Кто я тут и каково мое место – сама не знаю… Павел, спасибо ему, после гибели Димы, брата моего, да из-за напавшего на меня умопомрачения два годка назад сюда привез, устроил в работницы в усадьбе

отца. Оставил, значит, ухаживать за больным. Да сам-то с тех пор все работы свои в Череповце оставил и во Францию продолжать учиться инженерному делу поехал. А барин, отец его, здесь совсем плох здоровьем стал, слабенький да полоумный. Я-то свою болезнь душевную, слава богу, преодолела, кажется, да, видимо, все от моей болезни к Ломову-старшему передалось. Но все-таки, ты-то как теперь? Расскажи о своей жизни! Вспоминался ты нам с братом часто, да и весть доходила, что в фаворе ты у Милютиных на Сухоне-реке, пошел, стало быть, наверх у них по коммерции?

– Нет, Наталка. Все вроде так поначалу и было, да два года уже ой как закончилось. Выгнал меня Василий Иванович, возможно, и за дело – со ссыльным одним сдружился. Милютины такого не прощают. Потом я цельный год учился и работал в Фоминском под Вологдой в известной на всю Рассею молочной школе Буманов. Мог бы тогда у них остаться мастером, да только два года назад нежданно пришла весть горькая, что батюшка мой Василий Иванович при смерти. Просил он меня перед смертью здесь, в Сельцах, остаться за хозяина, я и остался. Живем теперь неплохо, артель у меня большая по молочному делу. Коров в достатке, да только с кормовой базой беда. Вот оттого я к вам в поместье и приехал, да и не в первый раз уже – переговоры с управляющим веду. Не знаю уж, чего он телится, ведь выгода прямая вашему гиблому хозяйству. А теперь уж лета середина пришла – глядишь, опять все с ним по договору на год отложится.

– Ой, знаешь, как я рада за тебя, Ванюша. Значит, учебы все прошлые тебе не зря давались, пользу от них поимел. Молодец, что ушел от мироедов этих Милютиных и сам свое дело правишь. И что ссыльным в Тотьме помогал – значит, не зря мы с Дмитрием тогда тебя к себе в ячейку зазвали. Теперь, конечно, какая уж у меня революция, раз ни бати, ни Димки нет больше в живых… Одно разочарование. А ты небось и женат уже? Раз на хозяйстве, то как же без жинки?

– Нет, не женат совсем, – явно смутился гость. – Некогда все было, дел много, недосуг, в общем… Да, по правде сказать, надежу тайную имел сначала тебя повидать. Поверишь ли, много мне о тебе думалось тогда, на Тотьме-то. Наверное, смеяться будешь над нерадивым, что вот, мол, мы детьми еще всего-то три дня виделись, а тебя никак забыть не получалось. Ну а ты? Чаю, не невеста ли ты теперь сынка помещика Ломова?

– Врать не буду, и сама не знаю. Звал он меня тогда замуж, помню. Да и мне Павел нравился – умный, красивый, добрый, заботливый. А потом все плохое случаться у нас стало: и отец нелепо утонул в реке, и Дмитрия хозяин квартиры за что-то зарезал, а я после каждой такой потери в беспамятство входила. Забрали бы совсем, наверное, в лечебницу для душевнобольных, да Павел тогда сильно помог: и врачами, и адвокатом. Это когда уже в полиции вдруг решили на меня смерть брата обратить. Привез Ломов меня вот сюда, в деревню, да только отец его вытребовал слово, что не невесткой я буду, а только служанкой при доме. Ну, а потом еще и сам Павел надолго неожиданно уехал, хозяйство бросил в ненадлежащем состоянии – в Париж укатил учиться инженерному делу, мечтал, видимо, стать, как Эйфель, знаменитым. Больше я его и не видела вовсе, только с управляющим он письмами по хозяйству переписывается, а мне-то не пишет вовсе, разлюбил, стало быть… Да я-то только тому и рада. А тебя я надолго запомнила, потому, видать, сейчас, издалека голос твой услышав, подошла к вам.

– Наталка! Мы же теперь больше не потеряемся?! Мы же можем видеться по-соседски да по дружбе? Часто! Вон моя деревенька Сельца внизу, и отсюда даже видна! Смотри – вон там, где лесистая полоска дугу пляшет вдоль русла ручья нашего, да на запад, в сторону речки Кошты поворачивает. Я хочу тебе все наше хозяйство показать, маслодельню свою особо, овины, машины, да еще с мамкой, братом Колей и пятью моими сеструхами познакомить. Ты знаешь, они тебе понравятся. Люди простые, тихие, но душевные, добрейшие. И ты им наверняка понравишься, ты такая боевая вся. Представляю, как мои малые девки за тобой виться станут. Когда тебя здесь отпустят к нам? Я повозку пришлю да велю пирогов напечь с карто-

хою, а еще капустник обязательно спечем да ягодники брусничные сестры смастерят. Ты же приедешь к нам скоро погостить?

– Тут у нас, Ваня, за околицей сосна приметная растет, не обманешься – приходи сегодня вечером, вот и сговоримся. По дружбе ли, али по-соседски…

Не прошло и месяца после той встречи Ивана с Наталкой, за который они, почитай, каждый вечер встречались у приметной сосны, прогуливаясь светлыми поздними вечерами по окрестностям поместья. В выходные девушка уже трижды добиралась и до Селец. Приняли ее там и родные, и односельчане приветливо, многие даже с подчеркнутым пиететом, с каким следует относиться к невесте своего работодателя и, возможно, к будущей на то хозяйке дела.

Наталка в первую же вечернюю встречу их свидания «с сосной» с невиданной даже для нее самой храбростью страстно прервала оцепенение своего парубка крепким поцелуем в губы, после чего осмелел и Иван, приводя их отношения в такие, какие были приняты на гуляниях деревенских пар, надеющихся после уговоров родителей на благословение и скорую помолвку.

Правда, разговоров о свадьбе меж ними еще не было, но были признания в симпатии и верности в любви, были некие абстрактные совместные мечтания вслух о том, что хорошо бы, если в семье родится много дитяток… А еще было бы славно, если бы некоторые из них потом не только выучились доить коров и возить навоз, но и имели бы склонности к разным ученым наукам, как про то справедливо говорили Ваньке ранее Николай Васильевич Верещагин и Иван Андреевич Милютин. И не только бы им выучиться таким простым наукам, как агрономия, ветеринария или учительское дело, но еще и сложным разным там математикам, а тогда уж с таким багажом знаний поедут те их лучшие дети жить и работать в большие города инженерами, врачами, а может, и профессорами. Вот такие были, казалось бы, несбыточные мечтания у двух осиротевших провинциальных малограмотных, но вполне самостоятельных по жизни двадцатилетних молодых фантазеров.

– Барин наш приехал! Наконец-то! Ну, Прошка, гад, держись – будет с тебя нонче спрос за плутовство хозяйское! – Наталка в этот момент мыла голову старику Ломову, окна и двери от пришедшей недавно знойной жары были распахнуты, и потому радостные возгласы дворни были прекрасно ей слышны. «Что еще за барин такой? Неужто сам Павел вернулся из Европы? Не может быть, они бы на то знали, написал бы он в письме, упредил! Может, управляющий и знал, да не выдал? Действительно, гад тогда паршивый…»

– Что эти дряни там раскудахтались?! – услышала она из-под полотенца скрипучий недовольный голос умытого и гладко выбритого старого хозяина. Наталку вдруг разозлили эти надменные слова, и она крепко прижала своими руками полотенце к лицу барина, словно хотела его тем навсегда заставить замолчать. Старик от такого отпора сразу же заткнулся и решил дождаться конца экзекуции, когда бы он уже смог наораться во все горло.

Действительно, через некоторое время в дом дворовые стали вносить сумки путешественника, после чего резко запахло дорогим парфюмом и от самого явившегося как снег на голову Павла Ломова. Не обратив никакого внимания на Наталку, сын помещика бросился обниматься с отцом. Притом последний, кажется, не сильно понимал, кто и за что его так яростно лобызает. Но сопротивления не проявлял – Наталка уже приучила старика, что при наличии некоего физического воздействия на фрагменты его тела тому лучше не трепыхаться. Наконец через несколько минут лобызаний и причитаний Павла до старшего Ломова дошло, кто же это теперь приехал, и по его щекам потянулись скупые слезы, тело старика задрожало

от переполнивших эмоций, но вместо голоса послышались только нечленораздельные хрипы и стоны.

Так у старика, чье здоровье и до того вызывало много опасений, случился инсульт – кровоизлияние в мозг.

Потом была истинная суматоха – посылали за наблюдавшим старика земским врачом. Врач только развел руками: «Теперь все в руках божьих», – потому сын послал снова в город за дорогим врачом-немцем, но и тот мало чем смог помочь. Из наиболее ценного – подсказал, как дальше обращаться с парализованным дедом, как кормить и поить его, выписал лекарства и в конце, несмотря на полученный от Павла щедрый гонорар, посоветовал больше его к старику не звать – мол, немного осталось, пусть лучше помолятся да пригласят священника…

Наталку удивило, насколько сын Павел был потрясен происшедшим событием и как он все же сильно любил отца. Понимала она и то, что, скорее всего, вся забота за обездвиженным барином ляжет теперь на нее и как раньше бегать к Ивану на ночные прогулки уже не получится.

Только поздно вечером, когда сын смог ненадолго отойти от кровати больного батюшки, он наконец проявил должное внимание к Наталке. Но не как долго отсутствовавший и соскучившийся суженый, а просто как благодарный родственник умирающего родителя говорил признательные слова сестре-сиделке за ее долгую и терпеливую помощь папеньке. Девушке оттого было уже безразлично, но крайне интересно хотелось понять, когда же у Павла угасло к ней бывшее чувство: во Франции или теперь, после стресса с отцом. А может, вообще давно, когда Павел еще только собирался уезжать из России и она сама была больна и не чаяла восстановиться?

Неделю длилась агония помещика Ломова, все эти дни и сын, и его бывшая невеста-служанка не отходили от умирающего старика. Ивану Наталья послала через знакомого мальчишку весточку о случившемся, поэтому он ее не беспокоил и не навещал до времени. Похороны младший Ломов устроил очень пышные, с некоторым даже купеческим шиком, с отпеванием приглашенным митрополитом в кафедральном Воскресенском соборе в Череповце, с поминками в лучшем городском ресторане, на которых присутствовал весь цвет уезда.

После погребения на череповецком кладбище вместе с управляющим Прохором Наталка вернулась обратно в имение. На поминки в городе хозяин их не позвал, но для своих местных крестьян и слуг в амбаре у хозяйского дома был накрыт поминальный стол, на котором распорядителем, естественно, стал управляющий. Там все присутствующие и посидели в печалях – как-то оно теперь будет при новой жизни? Повспоминали, конечно, почившего барина, но строго по правилу: о покойном или хорошо, или ничего.

Подходила ночь, Павел, скорее всего, уже не вернется в имение до следующего дня. Это понятно, там, среди названных гостей, легче отвлечься от скорби. Заснуть в эту ночь Наталке в своей комнате тоже не получалось. Мысли роились вокруг ее головы, но никак не выстраивались хоть в какую-то логическую цепочку. Сейчас уже ей было сильно жалко умершего барина, как будто этот несносный старик на самом деле был ей родным дедом.

Девушка зажгла свечи и решила пойти прибраться в комнатах, раз уж все равно сна не получается. В связи с похоронными хлопотами в помещениях дома осталось много неприбранного. Сначала она навела марафет в спальне старого барина. В какой-то момент ей даже почудился там, в сумраке, его призрак, но девушка отнеслась к этому видению удивительно спокойно, даже чуток поговорила вслух с иллюзией покойника. Далее она прошла через приемную залу в комнату Павла, где после его приезда еще не приходилось убираться. Тот за прошедшие ночи почти и не спал здесь, только иногда выходил от отца взять из комнаты некоторые свои вещи, чтобы, например, побриться.

Вот и сейчас саквояж с его походными вещами стоял на тумбе полностью открытым – собираясь на похороны, Павел, конечно, не обратил на то внимания. Некоторая часть его лич-

ных вещей вообще лежала разбросанной на неприбранной постели. Наталья чисто автоматически убрала их с кровати, чтобы можно было заправить на ней белье, как подобает. Стронув с места большую пуховую подушку, она вдруг застыла в полном недоумении и еще в неописуемом ужасе – под подушкой лежал донельзя знакомый их родовой кинжал Годун, украденный два года назад у ее брата Дмитрия убийцей.

Долго простояла девушка над этой вещью в оцепенении, не решаясь дотронуться. Потому как, если все это закончится явью, а не обернется иллюзией, то как тогда мог их нож-реликвия, передаваемый много веков от отца к сыну, очутиться здесь, в личных вещах Павла? Неужели она опять сходит с ума? Сколько эти видения еще будут продолжаться в ее жизни?

Да нет же. Это не может быть видением или обманом! – рука девушки коснулась холода стали, отчего по всей ее кисти до локтя пробежало ощущение крапивного жжения, как будто нож был вовсе не холоден, а как раз горяч.

«Надо испытать этот нож! Если я сейчас порву им подушку, значит, он явь! Теперь воткнуть в кожу саквояжа! Ясно вижу: дыра – явь! Теперь ударить по коже ладони – вот, брызнула кровь, явь! Это все мне не мерещится, вот же она, боль, у меня в руке, вот алые капли капают на белоснежную простыню Ломова! Вот я ими пишу это страшное слово: убийца! Завтра же пусть он мне объяснит, откуда у него наш кинжал. Соврет, что купил с рук? – Это же смешно, это не пройдет! Ведомо, он и есть настоящий убийца брата. Только он мог прийти к Дмитрию без стука, и только его тот пустил бы, доверил тайну, коя, видимо, была в этом ноже. Не оттого ли вдруг Павел стал так богат в одночасье? Поместье их тогда было на грани разорения, заложено в банке, он раньше сам нам об этом говорил, а тут тебе невиданная роскошь: Франция, учение, богатые похороны отца – откуда на то деньги у Павла? Давеча доктор назвал его миллионщиком – неспроста же?! Почему мне сразу еще тогда, два года назад, не пришло это в голову? Судом обвинили хозяина квартиры, потому что при обыске у того нашли деньги брата и еще потому, что орудие убийства было ножом того самого несчастного. Но это же все подстава! Павел все мог легко организовать сам, а с меня снял обвинение в полиции, так как намерен был под каторгу подвести именно хозяина дома. Хозяин тот тогда оправдывался, что в день смерти брата отравился чем-то и весь день просидел с поносом в сортире, а дверь его в дом, верно, была тогда не заперта. Вот Павел и подбросил ему те деньги в платке, тоже им же и украденные, а в убийстве еще использовал приметный нож хозяина, который всегда был на виду в сарайчике. Да я и сама это помню, видела тот тесак хозяйский много раз у них! Боже мой! Как все просто! Непросто только осознать, что Павел смог убить моего Димку! Почти жених, почти наш близкий родственник! А может, он также и отца убил, придумал что-то хитрое, чтобы никто на него не подумал? Как мне теперь с этим жить дальше-то?»

Возвращения Павла из города девушка и страстно ждала, и одновременно боялась уже. Когда же этот момент случился и заспанный пьяный молодой барин, неуверенным шагом сойдя с пролетки, подходил, шатаясь, к дверям дома, давно заждавшаяся Наталка стремительно вышла ему навстречу, схватила за рукав рубахи и уверенно потащила в комнату. Павел от неожиданности, видя, куда она его тащит, слащаво стал нашептывать девушке: «Ну ты куда это меня ведешь? Сразу в кроватку положишь? Нежности тела захотела? Ну, я тебя не разочарую, покажу эту нежность. Знаешь, давно чаял, как девичество твое заберу, ублажу, будешь меня помнить! Усталый я только теперь, силушка выжата, как лимон в стакан чая. Давай чуть погодя, солнышко ты мое…»

Войдя в спальню, он уже собирался упасть животом, как есть одетый, на свою кровать, но что-то его остановило. Бросилось в глаза кровавое пятно на простыне, летающий по всей

комнате пух от вспоротой подушки и потаенный нож в руках его бывшей вожделенной подруги. Какой кошмар! Что за дикость!

– Откуда у тебя этот наш нож? Ты его украл? Ты убил Дмитрия? Твоих рук смерть моего отца? Откуда у тебя нашлись деньги на Францию? Говори! – закричала на захмелевшего Павла Наталка. – Как ты посмел это сделать, убивец?! Гореть тебе в адской скверне, ирод!

Вероятно, крики привели Павла на некоторое время во вменяемое состояние, он очнулся от пьяного забытья и смог осознать происходящий момент. Лицо его из добродушно-дурашливого мигом преобразилось в страшное и злобное. С таким лицом люди не разговаривают, а убивают…

– Дай сюда! – Ломов вырвал у девушки нож. – Что ты понимаешь, чокнутая! Ну да, это тот самый нож. Ну что с того? Может, я его нашел потом, а может, мне перед смертью брат твой его сам подарил?! Вера только мне! Ты придурочная – тебе все это мерещится, да и только. Никто никогда не поверит умалишенной! Дмитрий твой – фраер фартовый. Догадался, что секрет в ручке ножа имеется, а открыть как – не знал. На то меня спросил, благо я в тот день по случаю домой возвернулся из поездки. Так вот я, а не он, придумал, как замок в рукоятке ножа вскрыть. Не зря механике в училище учился, и инструмент дома имелся. Да повредить механизм вышло, зато клад-то и открылся нам, как я только собачку потаенную зубилом сбил. Уж и не знаю, откуда у вас богатство то образовалось. Видимо, кто-то из твоих прадедов своровал или в грабеже добыл, да схоронил потом эту штуку в неведение, что оно и не нож вовсе, а тайник для камня драгоценного, чистого голубого, в два ореха размером. Брат твой увидел камень и не понимает сути дела – как дурачок смеется, словно ракушку красивую на берегу отыскал. А я-то сразу смекнул, что богатство здесь немереное. Зачем оно дурному человеку, плебею голозадому? Я нашел, мое и должно остаться! Уж я-то распоряжусь! Вмиг все обдумал: и как убить его, и как вину можно на чужого человека свалить. Обернулся в полчаса, и дело готово. Вышло как по маслу! Вот теперь и ты про то знаешь, а сказать не сможешь. Не боись – живи! Позволяю! Ты мне не опасная. Жениться на тебе было нельзя, а так станешь полюбовницей. Как жила в этом доме, так и поживешь далее при мне. А не то свезу в лечебницу в Вологду, там не забалуешь! Всех дурковатых пытками лечат, учти это!

– А отца за что убил? Тоже за камень этот проклятущий? – Девушка смотрела ему прямо в глаза, лицо у нее побелело, будто его обильно посыпали пудрой или мукой.

– Дура, говорю же, что про клад мы узнали только в день смерти Дмитрия. Но и про отца твоего немного знаю теперь, однако. Судебный пристав сказывал, когда дело на нашей квартире разбирали, что убивцев его они потом сыскали. Выяснилось это в тюрьме, когда разбойник один начал откровенничать с подсадным от полиции – наседкой таких зовут. Некто с кликухой Кляп отца твоего порешил со товарищи. Батя твой, помнишь, помешался тогда землю под строительство дома в городе купить, вот и пришел в тот раз в трактир на сговор, а человек-партнер выпивши был, потому деньги в сто пятьдесят целковых у отца твоего брать не стал, перенесли купчую. Да зато Кляп те деньги случайно увидел. Пошли они вслед за батюшкой вашим с ножами и не только их забрали, но и водку отца выпить из горла бутыли заставили. Ну, а дальше отвели того по улице с песнями, как своего, до берега, раздели там уже хмельного, да и в реку бросили топить. Мало ли, очухается да в полицию на них донесет, все как есть опишет, да и опознает, если поймают. А так – от греха подальше… Так что моей вины тут нет и быть не может. Сам виноват он был, не осторожничал.

Наталка слушала эти рассказы и не верила, что дожила до такого. Пустота! Кругом: в теле, в душе – теперь одна пустота-пустотище! Наверное, будь этот холеный красивый господин трезвым, то и не сказал бы ничего путного – «нашел, мол, и нашел, отстань…» А тут на откровенность потянуло. Что у трезвого на уме, у пьяного на языке… Хотелось его тут же убить, но не сможет она, даже сонного и совсем беззащитного. Это не курице голову оттяпать, да и той она никогда бы не смогла. Эту прозу жизни девушка отчетливо для себя понимала. Разве что

в драке с ним, если насильничать полезет, да и то вряд ли. При всей наружной смелости в словах – не было в ее характере чего-то такого, что разрешало бы мстить смертельно. Полиция здесь тоже бесполезна – прав он, никто ей там не поверит. Кто она и кто он… Нож – улика? Только она его теперь и видела, не схоронила же… Выбор, получается, только такой: этому нелюдю в имении ей служить и состоять при нем для плотских утех или чтобы сразу в лечебницу отправили, как буйную. Нет, любое его прикосновение к ней вызовет не просто отвращение, но и физическое негодование, взрыв. Значит, остается второй путь, и другого ей не дано. Не дано ли? А Иван! Про него забыла? Он-то ее в обиду не отдаст, только бы добраться теперь до л*ю*бого, все рассказать. Но как? У нее даже про себя документа нет, да и был ли он вообще, ее пачпорт, здесь, у Ломовых? Пропал или Павел этот специально запрятал…

Что-то, видимо, из этих ее мыслей стало вдруг понятным и Ломову, он как-то весь напрягся и вдруг резко вышел из комнаты, велев девушке следовать за ним. По пути требовал позвать управляющего, и тот на удивление быстро сподобился явиться на вызов.

– Вот что, Прохор. Боюсь, чтобы наша полоумная что-нибудь с собой не сотворила с горя по почившему нашему батюшке. Давай-ка запрем ее от греха в чулане на втором этаже. Там дверь крепкая, да и окошка нет. Брось туда ей матрасик любой с подушкой, ну, там, еды, пития поставь в достатке, кадушку принеси для справления нужд. Короче, сам знаешь. Пускай она там посидит денек-другой, потом сам решу, как и когда здорова ли будет. Я же теперь спать пойду в отцову спальню, голова со вчерашнего раскалывается. Да еще пришли кого-нибудь убраться у меня в опочивальне. Эта сумасшедшая там все порезала, перепачкала… Больная она и есть зараза больная…

«Все, теперь точно все. Запрет и будет поступать как с рабыней покорной. Случись что с ней: убьет ли в гневе (ему не привыкать) или сама руки на себя наложу – все подтвердят, что невменяемая была и после смерти деда обострение как раз случилось. Разгром в опочивальне тому будет подтверждение. Бежать надо немедленно, прямо отсюда, пока мне тюрьму эту Прохор наверху готовит».

Легко сказать – бежать. Когда тебя трясет всю, когда мысли путаются, когда вообще жить не хочется на белом свете. Тем не менее девушка доверилась некой своей интуиции и по ее зову выпорхнула через открытое окно с высокого карниза с высоты полутора саженей на землю. Бежала от дома прочь в полном бессознании того, что делает. Где-то потеряла туфлю, сбросила с ноги вторую, далее босяком, не разбирая дороги, задыхаясь, по крапиве, да по репьям, да по хляби – вниз по склону туда, где в отдалении должна быть деревушка ее верного Вани.

Через некоторое время девушка выбежала на поселковую дорогу, по ней бежалось много легче, хотя и силы уже оставляли. Но остановиться, передохнуть теперь не давала вся ее натура. Умру, но добегу. Проснулась наконец давно забытая сила воли, проснулось и второе дыхание. Вот уже, считай, минуло полдороги до Селец. Впереди вдали кто-то едет попутно на телеге с копенкой травы. Догнать бы, вот и подмогнули бы ей добраться живой. Одновременно сзади послышался конский топот. Страшась, она повернула голову и поняла, что за ней погоня – четко видны фигуры Павла и Прохора на конях. Догоняют…

Расстояние до телеги ближе, но оно почти не сокращается, а всадники приближаются к ней стремительно. Безвыходность ситуации подтолкнула Наталку к последнему отчаянному шагу – она, что оставалось мочи, закричала вслед повозке: «Стой! Помоги!» Повторить этот зов уже не было мочи.

В телеге, видимо, услышали – возница, молодой парень, встал во весь рост на ноги и обернулся на нее. Девушка попробовала замахать руками, но тут уже силы совсем оставили ее, и она как подкошенная упала в пыльную дорогу. Видя это, человек резко развернул повозку и что есть мочи погнал лошадь по дороге обратно. Последнее, что обессиленная Наталка четко видела, это как парень тот с растрепанной гривой ржаных волос летел к ней, словно на крылатом коне, аки неведомый небесный ангел.

Догонявшие ее сзади подоспели чуть раньше, спешились и стали поднимать лежавшую девушку, чтобы поскорее взгромоздить тело на лошадь. Не хватило буквально мгновения – вернувшийся на ее зов парень, не останавливая телегу, на ходу спрыгнул и, бесцеремонно оттолкнув обоих всадников, выхватил у них из рук Наталку, чтобы самому отнести к остановившейся в отдалении телеге. Дальше девушка мало чего запомнила. Люди вокруг нее грязно ругались, грозились полицией и тюрьмой, но настойчивость и решительность возницы, вооружившегося в довершение вилами, взяла верх, и скоро она уже одиноко ехала с ним прочь от этого страшного места.

Девушка наконец пришла в себя и попыталась несмело сказать, что ей-то надо в Сельца, а если парню не по пути, то она теперь может и пешком сойти.

– По пути, по пути! Отвезу тебя к твоему жениху, не сумлевайся! – Наконец Наталка признала в герое-парне Николая, младшего брата своего Вани, с которым знакомилась месяц назад в первый же приезд к ним в деревню.

– Какой же ты хороший, – шепотом вымолвила спасителю девушка, безумно счастливая, что теперь в безопасности и уже скоро увидится со своим любимым.

Пожар в Погореле (1912—1913 гг.)

Осип (он же Оська Чудина, а по паспортной книжке вообще Иосиф[8] Степанович) из Погорелки, равно как и его старшие братья Мишка и Сашка, долгие годы был лишь тенью своего самобытного и крайне популярного среди земляков отца, который и как мастер по сапожной части был известен на весь уезд, и в части грамоты и просвещения считался у крестьян самым авторитетным человеком в приходской общине.

Свою земскую начальную школу в Чуди Осип, правда, окончил с высокой успеваемостью и подобающую грамотность приобрел. Особенно хорошо парню давались арифметика с началами геометрии, потому его с малых лет в сельской общине нередко привлекали в помощники по части счетоводства и землеустройства. Однако, хотя расчетные дела и давались Оське легко, а многие вычисления парень безукоризненно делал даже в уме, не прибегая к записям на бумаге, его с некоторых пор заинтересовала агрономия и особенно садоводство.

Началось все с кошмарного урагана, который случился в их волости как-то в начале осени и наделал много бед: повалил старые деревья, смел заготовленные копны сена, а у кого-то в их селе даже ветром унесло крыши с домов. Конкретно их дом тогда устоял без происшествий, уж больно добротно было все отстроено. Основной утратой стала посаженная во дворике еще до рождения Оськи яблоня, до того баловавшая детей единственными доступными для семьи плодами. На ее большом суку дед по весне прилаживал внукам качели, на ней же их трехцветная кошка Маринка ловила залетных птах, и она же давала тень в зной на лавку, на которой часто вечерами сиживали и сплетничали меж собой дед с бабой.

Дом, хотя и строился воедино, под одной крышей, фактически состоял из трех частей: летней и зимней избы с широченными сенями меж ними, а также большого двора для скотины (на нижнем ярусе) с сеновалом (на верхнем). В летней избе с большими окнами потолки были повыше, в зимней же части все было сделано для уменьшения потерь тепла от печи: окна маленькие, щели между окнами и косяками тщательно конопатились, входные двери были сделаны из толстенных широких досок и дополнительно обивались войлоком, пол делали двойным, насыпая внутрь опилки.

Обычно старое поколение большой крестьянской семьи весь год проживало в зимней (считавшейся основной) части дома, а молодые родители с детьми на теплое время перебирались в летнюю просторную избу, желающие же к еще большему уединению вообще уходили спать летом на сеновал. Потому в теплое время года жить всем было вполне просторно, но с холодами семейство опять собиралось воедино в меньшую по размеру зимнюю половину, где вынуждено было оборудовать полати, чтобы тесниться на них и спать вповалку бок о бок.

Так вот после повреждения той упомянутой яблони дед с отцом, погоревав, решили ее спилить и выкорчевать корни – больно уж неприглядный вид представляло это сломанное дерево после урагана и разорения. Осип же вступился за яблоню и клятвенно пообещал придумать, как вернуть ее к жизни. Какие-то сучья он спилил, но способом хитрых подпорок и подвязок все же дал дереву возможность к лету следующего года восстановиться и отблагодарить своего лекаря и его родню обильным урожаем яблок с кислинкой.

После того случая парень стал интересоваться «яблочными науками», сортами, прививками, борьбой с вредителями, попросил также отца выписать в библиотечку подходящую брошюрку. К лету 1912 года на их приусадебном участке появилась вторая плодоносная яблонька морозостойкого сорта, а также кое-где были заведены ягодные кусты. Кусты дикой смородины, принесенные Оськой из леса, были безжалостно обрезаны с оставлением только по одному

[8] На момент записи в приходской «фолиант» местный дьячок взял на себя смелость поправлять родителей, дающих при рождении своим чадам неподобающие и нецерковные имена. Но обнаружилось это лишь много лет спустя…

вертикальному побегу, затем уже на эти подвои прилаживались черенки привоя, привезенные с города, с сельскохозяйственного училища. Похожим образом был разведен и крыжовник (последний вообще был в диковинку для односельчан).

Но главной инициативой Осипа Чудины стала его навязчивая идея заложить за околицей общественный яблоневый сад для получения дополнительного общинного дохода. Представитель уездного Череповецкого кооператива подтвердил, что они готовы потом оптом выкупать артельный урожай яблок на определенных условиях и даже поспособствуют селянам саженцами в кредит.

Отец неожиданно поддержал в начинаниях сына и даже подобрал подходящее место для такого сада – на равном удалении от прихода Чудь и их деревни в сторону деревни Горки на склоне холма имелась одна земельная общинная неудобь, которую использовали исключительно под покосы, но никто из крестьян на сходе обычно не брался за этот участок при жеребьевке. Хоть и близко к их селу, но больно уж там намаешься, пока выкосишь несколько копенок.

Проведенный с соблюдением прописанных в книжке норм анализ почвы показал, что место это для сада было вполне подходящим. Кругом поля, потому солнечного света с избытком. От деда также было известно, что когда-то давно здесь была рощица высоких статных берез (спиленных потом на дрова), – значит, с подпиткой яблонь сада грунтовыми водами проблем не станет. Надо только расчистить участок от разросшегося кустарника да немного выровнять бугры на самом склоне.

Предложение сына на очередном сходе озвучил отец Степан, но, как это обычно случалось, люди заколебались: «Так это же когда еще те яблони вырастут и урожай дадут… А поработать над участком надо уже теперь… А коли все потом померзнет… А вдруг кооператоры не возьмут у нас те яблоки… А нам-то зачем они, кругом на болотах и брусника, и клюква, и малинка – послали детишек, те и собрали», ну и далее в том же духе… Впрочем, что тут удивляться, любое общественное дело, будь то обустройство дороги или загороди для скота, всегда вызывало сначала подобное отторжение обществом в лице наиболее ленивых его представителей (если только указание не шло сверху, от власти – тогда уж куда денешься, надо исполнять…). Но постепенно, от схода к сходу, число сторонников «реформы» все же обычно росло, люди начинали привыкать к мысли, что «дело, конечно, нужное, полезное, а потому почему бы и не потратиться…»

Наверное, так бы со временем случилось и с этим обзаведением, однако скоро пришла война 1914 года, и про проект на 20 лет всем пришлось забыть.

Кроме всего, случилось в эти предвоенные годы в семье Степана и две беды. Первая, поменьше, коснулась только одного его младшего сына Осипа.

Пока отец занимался в свободное от сельского хозяйства время пошивом сапог для населения, сыновья были не только активными его подмастерьями, но и брали на себя обязанности по закупкам сырья и развозу готовых изделий по заказчикам в уезде. К этому времени Степану уже не было необходимости самому возить сапожный товар на ближние и тем более дальние рынки и ярмарки. Желающих пошить у него сапоги было в избытке, и потому они сами приезжали к мастеру на дом, где тот снимал мерки и под обязательный аванс начинал тачать сапоги для клиентов. Если в городе приличные мужские сапоги стоили по шесть-семь целковых, то у Степана такие же можно было сторговать и по пять рублей. А вот сапоги с «излишками» для богатеньких клиентов могли обойтись и в десять-пятнадцать рубликов. Но зато рекламаций на такой товар никогда не было.

Было немало случаев, когда производство Степана банально не успевало за спросом и начинало захлебываться. В такие недели и даже месяцы ему приходилось привлекать к ремеслу на подхвате, кроме своих детей и племянников, еще и соседских взрослых, а также их детей, коим, разумеется, платил не только наукой, но и деньгами под расчет. Редко случалось нанимать работников вместо себя и на полевые работы (жатву, покос) – это если срочный заказ попадал на период страды, а и то, и другое дело было одинаково важно сделать, не откладывая. Пройдет немало лет, но эти удачные «артельные» годы в жизни Степана и его семьи с привлечением наемного труда будущая власть ему хорошенько припомнит в период выявления кулацких элементов.

Так вот про те две беды. Один раз в момент очередного развоза папкиного товара в Уломской волости на Осипа напала разбойничья шайка. Все произошло неожиданно и дико. На лесной дороге к нему в телегу подсел попутчик, человек в годах, мещанской наружности, с рябым лицом, побитым оспой. Он сам первым спросил, кто таков, да куда-откуда, да что везешь. Предложил даже покурить его самосада, на что Осип отказался: «Не курим». В одном приметном месте мужик тот неестественно громко свистнул, и после того из леса на дорогу высыпала целая мужицкая шайка, которая неспешно и молча стала окружать повозку. Три мрачных типа с дубинами и ножами да сидящий за спиной попутчик (видимо, бывший у них за главаря), к тому же доставший из кармана револьвер.

На такой экстраординарный случай у Осипа был припасен в телеге под соломой любимый топор, но против квартета отпетых бандитов он вряд ли мог теперь помочь. Люди смотрели на него зло и нахально, жизнь парня сейчас в их глазах ничего не стоила. Отберут товар и деньги – это ясно, а вот лошадь Майка? Ее было жальче прочего, хоть, может, по деньгам она и не дороже стоит всего везомого, но давно уже как родная стала, сколько с ней всего езжено-переезжено по череповецким далям. Парень просунул руку и все-таки вытащил топор…

– Парень, не дури! Отдашь все мирно, живым уйдешь! – с угрозой сказал на то вожак. – Будешь кочевряжиться – покалечим, не сумлевайся! Будешь потом всю оставшуюся жизнь кровью писать да от мамки жеваной пищей кормиться!

– Товар и деньги берите, но лошадь оставьте! – пошел было на уступку Осип.

– Вот еще! Чтобы ты на кобыле своей за подмогой поскакал да за полицией! Делай что говорю: топор на телегу положи, а сам в лес бегом тикай! Догонять не станем. Да чтобы до следующего утра сам на дорогу не высовывался и не смел орать никому на помощь. Вот тогда – поживешь еще! А не то…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.